

Л.С. ВАСИЛЬЕВ
**ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ОЧЕРТАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**
(эскиз теоретической конструкции)*

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В последнее время в нашей стране, да и во всем мире, заметно оживился интерес к теоретическому осмыслению истории. Казалось бы, специалистам-историкам это следовало бы приветствовать. Однако приветствия не слышны, скорее наоборот, слышны сетования на то, что история сегодня, похоже, как бы теряет статус науки – во всяком случае, науки, которой можно доверять. Особенно заметно такое настроение среди специалистов, склонных отдавать дань модному сейчас постмодернизму с его утверждениями о непредсказуемости поворотов истории как в близком будущем, так и вообще.

Нигилизм подобного рода проявляется прежде всего, даже преимущественно как сомнение по поводу того, насколько состоятельны основные постулаты философии истории в принципе. И, как выясняется, оснований для такого рода сомнений достаточно. Дело в том, что многие, как представлялось, из старательно разработанных и к тому же широко известных концептуальных идей сравнительно недавнего прошлого – будь то теория заката Европы или построения истмата, – оказались несостоятельными. Известно, что техногенная цивилизация – вопреки мрачным пророчествам О. Шпенглера – не привела пока к гибели Европы, т.е. феномена, который сегодня специалистами именуется миром развитых стран или, в самое последнее время, «золотым миллиардом» человечества, в отличие от остального все возрастающего в числе населения Земли, коим столь высокий («золотой») уровень жизни не светит не только в скором времени, но и, видимо, в принципе.

Отсутствие внятного ответа на вопрос, что же будет завтра, т. е. как выживут и будут жить и чувствовать себя в сравнительно недалеком

---

* В работе, помимо прочего, уточняются, углубляются и детально разрабатываются многие из тех теоретических позиций, которые уже были высказаны автором во вводных и обобщающих главах его двухтомника «История Востока» (М., 1993; переиздание – 1994), а также в «Истории религий Востока» (М., 1983; переиздание - М., 1988).

уже будущем все населяющие Землю (кроме первого, «золотого») миллиарды людей, является одной из важных причин того, почему ставится под сомнение способность исторической науки – а вместе с ней и ряда других родственных ей наук, включая, в частности, социологию, политологию и т. п., – создать хоть сколько-нибудь приемлемую теорию исторического процесса. Меньше всего на эти и многие другие, связанные с ними вопросы, в состоянии ответить и дискредитировавшая себя марксистская теория истмата. Рассуждения классиков и эпигонов этой теории, столь заботливо культивировавшейся в нашей стране свыше полувека, об ожидающем все человечество «светлом будущем» коммунизма тоталитарно-социалистического типа ныне уже никем или почти никем всерьез не воспринимаются.

Кроме того, стремительный прорыв футурологии, еще недавно казавшейся столь многообещающей наукой, в сферу серьезных научных исследований и столь же быстрый уход из нее, подтвердили, что предсказания в сфере истории, даже если они тщательно продуманы и трижды проверены, стократ просчитаны, – не сбываются даже в тех случаях, когда дается широкий спектр предполагаемых результатов, что само по себе снижает значимость любых предсказаний. Иными словами, будущее непредсказуемо. Иногда его можно угадать, но это уже не наука. Это сфера интуиции, которая существует как бы параллельно с наукой, давая, впрочем, подчас завидные результаты — вспомним, например, мудрость Нострадамуса.

Но означает ли все сказанное, что, коль скоро будущее принципиально непредсказуемо, по меньшей мере в рамках современной науки, то ничего не стоит и философия истории как таковая, в задачу которой входит определение исторического процесса в целом, имея при этом в виду и далекое прошлое, и тревожное настоящее, и неведомое будущее? Отнюдь!

Концептуальные основы историософии важны и ценны не столько тем, что дают возможность пытаться прогнозировать будущее – хотя и это чрезвычайно полезно для людей, — сколько тем, что позволяют понять прошлое. Понять и привести все его чрезвычайно многообразие в некую непротиворечивую систему. Систематизация любого эмпирического материала, особенно когда его много, очень много, – не только благо для науки, но и необходимое условие самого ее существования. Без этого просто нет науки, не может ее быть. Но,

создавая систему, всегда необходимо помнить о том, что сама по себе она – лишь вспомогательное орудие в руках создавших ее и использующих ее параметры ученых. Иными словами, система как таковая не может, не должна диктовать специалистам, как им быть со все возрастающей суммой фактов, подчас противоречащих ее постулатам и обычно не укладывающимся в ее жесткие рамки. Это значит, во-первых, что любая система в любой отрасли науки не вечна, напротив, подлежит спорадической переделке, а то и замене совершенно новой системой, в принципе от нее отличной. А во-вторых, это может означать, что системы в той или иной сфере науки могут быть разными. В частности, это касается истории.

История историософии богата теориями, опирающимися на заметно разные принципы систематизирования эмпирического материала, однако при всем их разнообразии они могут быть сведены к двум основным типам:

теории, в рамках которых отдается явное предпочтение делению истории на стадияльно общие для всего человечества этапы;

теории, выдвигающие на передний план несходство эволюции у разных народов и целых регионов.

Здесь важно иметь в виду: и те, и другие теории не отрицают ни того, что вся история человечества движется, проходя в своем живом движении (которое и есть исторический процесс) определенные этапы эволюции, ни того, что движение подобного рода протекает весьма неодинаково у разных народов, в разных регионах. Вопрос лишь в том, что в этом движении следует считать главным, основным, а что – второстепенным и как бы само собой разумеющимся. Иными словами, вопрос в акцентах, а акценты, роль которых в данном – да и во многих других аналогичных случаях – чрезвычайно велика, зависят в конечном счете от того, какая исходная концепция лежит в основе систематизации материала и общего осмысления исторического процесса в целом.

К первому типу принадлежит подавляющее большинство историософских теорий, начиная с наиболее древних рассуждений на тему, скажем, о «золотом веке» отдаленного прошлого. И это нормально и естественно. Как известно, письменные памятники, прежде всего хроники, датируют исторический процесс годами правления государей, отмеряя тем самым какие-то периоды, этапы последнего. Затем, следуя этому же принципу, древние историки стали

измерять историческое время по правившим в данной стране, в данном регионе династиям. Еще позже, уже на этапе освоения исторического прошлого мыслителями новоевропейского пост-ренессансного времени, определяющим стало деление истории на некие казавшиеся современникам вполне очевидными поступательные стадии исторического процесса – древность, средние века, новое время. Именно на этой основе закрепившегося в практике европейской историософии восприятия глобального исторического процесса впоследствии, уже в XIX в., возникло и членение истории на социально-экономические формации в рамках сначала марксистской теории, а затем, прежде всего в странах тоталитарного социализма, в истинности, девственная чистота жестких постулатов которого отстаивалась, помимо прочего, и откровенно силовыми, репрессивными методами.

Теории второго типа возникли сравнительно поздно как результат серьезного обществоведческого анализа там, где историософская рефлексия как таковая уже играла заметную роль. Появились представления о цивилизации и варварах, находившихся вне последней и потому принципиально отличных от людей стран цивилизованных. Родились – в частности у древних греков – идеи о принципиальном различии обществ и регионов (свободные и свободолюбивые греки античности противопоставлялись рабам деспотической империи персидских Ахеменидов), т.е. начинали складываться представления о несходстве исторических процессов, происходящих у разных народов, на разных континентах и даже в соседних регионах. Естественно, что историософские теории второго типа были уже гораздо ближе к реалиям науки и накапливаемому ею эмпирическому материалу. Однако у систем этого типа был существенный недостаток, связанный с проблемой так называемых исторических и неисторических народов – проблемой, нашедшей наиболее четкое выражение во всеобъемлющей философской системе Гегеля.

Правомерность постановки подобного рода проблемы казалась очевидной не только во времена Гегеля, но и, пожалуй, несколько ранее, когда европейцы в ходе колонизации Востока и изучения колонизованных стран обнаружили, что Восток, представлявшийся им «спящим», разительно отличается от Европы с характерным для нее динамичным развитием, даже скачкообразным поступательным движением стран молодого капитализма. Показательно, что очевидное

величие высокоразвитых восточных цивилизаций не поколебало специалистов в их жестких оценках, в делении мира на динамичный Запад и спящий Восток. Характерно, например, что во второй половине XIX в. даже радикал Маркс не сумел найти этой привычной историософской схеме должного противовеса: в схеме формаций по Марксу (азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства) Восток – а это подавляющая часть человечества – не вписался в стадиально-поступательный процесс, являющий собой квинтэссенцию теории формаций. Он как бы остался в стороне от этого процесса, явившись своего рода застывшей окаменелостью глубокой древности. И это несмотря на то, что Маркс не так уж плохо знал Восток, что проблемы современного ему Востока весьма его интересовали, более того, он писал статьи и охотно высказывался в своих трудах на эту тему. Маркс, поняв и проанализировав сущность «азиатского» способа производства, оставил в недоумении своих последователей относительно того, где же место Востока в его генеральной схеме.

Неясность, о которой только что было упомянуто, оказалась исправленной лишь в XX в. В частности, крупнейшим историком этого века А. Тойнби было предложено взять за основу исторического процесса цикличность именно цивилизационного развития Востока. Разделив всю мировую историю на несколько различных во времени и пространстве так называемых локальных цивилизаций, вычленяемых прежде всего по принципу принадлежности их к той или иной религиозной традиции (в начале своего 12 – томного труда «A Study of History» автор насчитывал их чуть больше 20, в конце – свыше 30), А. Тойнби представил читателям историю каждой из этих цивилизаций как некий заверченный цикл: зарождение, развитие, расцвет, надлом, упадок и гибель. Тем самым была заложена основа для весьма модного ныне, во всяком случае в нашей стране, цивилизационного (в противовес формационному) видения исторического процесса.

Речь идет не о том, что до Тойнби никто не обращал внимания на динамику развития цивилизаций – таких мыслителей было немало. Имеется в виду иное важное обстоятельство: теперь на передний план вышли историософские системы нового типа, в рамках которых не цивилизации противопоставлялись варварам и не «неисторический» Восток «историческому» Западу, но одни локальные цивилизации

другим, весьма от них отличным, но в принципе им как бы равноценным.

Равноценность при этом предполагается именно принципиальная. Иными словами, сколь бы ни была или ни казалась примитивной та или иная из трех с лишним десятков вычлененных Тойнби во всемирной истории цивилизаций, важны не те параметры прогресса, которыми привыкли оперировать специалисты по различению уровня социально-экономического и тем более технологического развития, но только и исключительно цивилизация как таковая, как историческая данность во всей ее самобытности – разумеется, с учетом того, что речь идет все-таки о цивилизации урбанистического типа, а не о доцивилизационной, т.е. первобытной общности. Собственно, именно схема Тойнби, во всяком случае, она в первую очередь и главным образом позволила в XX в. найти место и всему «неисторическому» Востоку, столь неуютно чувствовавшему себя в стадияльно-формационной схеме Гегеля-Маркса.

Разумеется, помимо системы, созданной усилиями А. Тойнби, XX в. познакомил историософию и с рядом других, впрочем, менее значимых и известных систем. Не ставя своей целью дать перечень и тем более обзор всех их, я хотел бы заметить, что многие из них, равно как и в первую очередь генеральные схемы Гегеля-Маркса и Тойнби (особо в этом ряду стоит отметить М. Вебера, который, хотя и не создал глобальных историософских схем, тем не менее внес огромный вклад в современное понимание исторического процесса), сыграли свою роль в создании той, которую я теперь намерен предложить вниманию читателя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЫСТОРИИ

1. Антропогенез

Начать следует с первой из проблем, касающихся человека, – с проблемы генезиса его как биологического вида. Рассуждения на тему антропо- и расогенеза всегда весьма сложны для специалиста-обществоведа, ибо уведут его в сторону наук естественных, весьма от него отдаленных. Тем не менее именно здесь общественные и естественные науки более всего сходятся, как сходятся

и две основные ипостаси самого человека – феномена биологического и социального. И сегодня, когда проблема тесной взаимосвязи человека и природы обретает свое совершенно новое звучание, когда экологические сложности побуждают вновь и вновь говорить о том, что попытка людей закрепить свое господство над природой чревата страшными для них и для нее последствиями, весьма уместно, причем именно в начале рассуждений на тему исторического процесса, обратить внимание на все то, что связывает человека с миром живой – да и неживой – природы. Особенно, если учесть, что история человечества и его культуры как явления социального и тем более техногенного сравнительно коротка и что в процессе становления человека большая часть времени относится к тем периодам, когда биологическая природа была более заметным и значительным фактором его существования, нежели социальное бытие.

Проблема происхождения человека, которая еще несколько десятилетий назад казалась всем предельно простой (едва ли не в каждом музее, имеющем отношение к истории, висели наглядные таблицы, показывающие трансформацию обезьяны в человека, через питекантропа и неандертальца) ныне неимоверно усложнилась. Новые открытия Л. Лики в Африке привели не только к резкому (до одного-двух миллионов лет) увеличению периода существования человекообразных гоминид и к появлению в ряду их представителей новых разновидностей (*Homo habilis*, *Homo erectus*), но и к оживлению теории пресapiенса, суть которой сводится к тому, что развитие гоминид с глубочайшей древности шло различными путями, по разным линиям, по меньшей мере одна из которых – пресapiенсы – не только обошла остальных, но и стала тем фундаментом, на основе которого прежде всего и главным образом сложился со временем человек современного типа (*Homo sapiens*).

Именно в свете этой сравнительно новой теории питекантропы, включая синантропов, и неандертальцы с их считающейся теперь необратимой специализацией (например, мощные надбровные дуги-валики) стали восприниматься многими специалистами как боковые ветви процесса антропогенеза, основной ветвью которого были все те же пресapiенсы. Это не означает, разумеется, того, что представители боковых ветвей вовсе не принимали дальнейшего участия в сложном и многолинейном процессе трансформации гоминид и возникновения сапиентного человека. Напротив, этот

процесс, протекавший в форме мутаций и метисации представителей различных ветвей, как раз и был той самой исторической реальностью, благодаря которой сапиентные люди, сложившиеся примерно 40 тысяч лет назад где-то в ближневосточном регионе, на стыке Евразии с Африкой, т. е. в месте пересечения всех основных путей миграции в пределах Старого Света, обрели свой ныне столь различный расовый облик. Однако при этом следует обратить внимание на то, что в свете теории пресапиенса, пользующейся сегодня явным предпочтением у специалистов, свой современный физический облик и сложные внутренние системы – нервную, эндокринную и прочие – сапиентный человек заимствовал именно у пресапиенса, тогда как боковые ветви в лучшем случае придавали каждому из распространенных ныне расовых типов именно его расовые отличия.

Справедливости ради стоит заметить, что теория пресапиенса не абсолютно превалирует среди антропологов. Есть место и для иных теорий, в первую очередь полицентрических, включая упрощенный вариант полицентризма, бицентризм (дицентризм). Смысл их сводится к тому, что каждая из основных современных расовых ветвей (в бицентризме – две из них, евроавстралоидная и монголоидная) имеет свой процесс антропо- и расогенеза. Эти теории опираются прежде всего на фундаментальные исследования Ф. Вейденрейха и К. Куна, позволяющие связать антропологические черты синантропов с физической конструкцией современных монголоидов. Однако слабое место таких теорий в том, что они не могут быть увязаны с процессом сапиентации, ибо в зоне формирования и обитания современных монголоидов следов процесса сапиентации наукой пока не обнаружено. Если же, как это делает К. Кун, признать, что в процессе формирования современных монголоидов могли принять участие иные, т. е. ближневосточные сапиентные расово-антропологические типы (С. S. The Origin of Races. N-Y. 1962. С. 460), то это как раз и будет означать, что сапиентный человек в зоне монголоидов появился извне.

Здесь следует снова повторить, что процесс сапиентации, сводящийся прежде всего к серии сложных и практически неповторимых положительных мутаций организма трансформировавшегося человека, был уникальным и явно не мог параллельно протекать в разных регионах земного шара. Достаточно напомнить, что на территорию Нового Света человек пришел уже в своем сапиентном облике со слабыми признаками монголоидности,

обретенными, скорее всего, на его непростом и небыстром пути через степной пояс Сибири и Монголии, т. е. через зону обитания монголоидных гоминид. И это лишний раз свидетельствует о том, что, завершив процесс своей трансформации в ближневосточной зоне, сапиентные люди стали быстро распространяться по ойкумене, оттесняя своих досапиентных собратьев в менее удобные зоны обитания (и тем обрекая их на вымирание) и в то же время вступая с ними при определенных условиях в контакты, следствием которых стали метисация и расовое разнообразие человечества.

Процесс антропо- и расогенеза, как уже упоминалось, весьма сложен и спорен. Более того, по мере обретения наукой новых фактов и осмысляющих их теорий, этот процесс еще более усложняется и потому ныне весьма далек от легких решений. Однако из всего того, что уже было сказано, явствует: хотя он, безусловно, и был многолинейным, решающую роль здесь сыграла основная – сапиентная, восходящая к пресапиенсу – линия. Все остальные, боковые, были лишены сапиентных потенций и тем самым могли внести свой вклад в трансформацию сапиентногр человека лишь в процессе его метисации. Здесь с самого начала важно четко расставить акценты. Речь не идет и не может идти о том, что тем самым монголоиды, негроиды, австралоиды или амери каноиды чем-то хуже или в чем-то ниже европеоидов. И далеко не случайно базовый ближневосточный сапиентный тип некоторые – сторонники теории бицентризма – считают не европеоидным, но скорее евроавстралоидным, фиксируя в нем смесь европеоидных и негроидных признаков, что следует считать вполне естественным, имея в виду прародину гоминид, Африку.

Иными словами, речь вовсе не идет о том, какой расовый облик имел первоначальный ближневосточный сапиентный человек. Он был, видимо, достаточно неопределенным, так что более четкие расовые акценты сапиентный человек обретал по мере своего расселения по ойкумене. А так как базовая сапиентная основа у этого расселявшегося по ойкумене человека современного типа уже имелась, то обретение им тех или иных расовых признаков в результате метисации было явлением вторичным по своему характеру и значению и тем самым не могло отразиться и, естественно, не отразилось на потенциях людей какого-либо расового типа.

Об образе жизни досапиентных гоминид мало что известно – при всем том, что археологи неплохо знакомы со стоянками архантропов, включая питекантропов и синантропов, и палеоантропов (неандертальцев и неандерталоидов). Судя по этим стоянкам, гоминиды досапиентного типа умели пользоваться грубо обработанными каменными орудиями, изделиями из кости, дерева, раковин и т. п. для добывания пищи, оборудования жилища, изготовления одежды, в основном из шкур животных. Использование огня и приготовление по меньшей мере части пищи на костре и в горячих углях либо золе столь же заметно отличало их от животных, сколь и умение рисовать, свидетельствовавшее не только о более совершенном, чем у любого из высших животных, интеллекте, но и о существовании определенной системы коммуникаций, в том числе не только знаковой, но и звуковой, т. е. речи, пусть даже и не очень членораздельной. Словом, досапиентный человек, хотя он и не был еще человеком в полном смысле этого слова, не был уже и животным. Он был, как его нередко именуют специалисты, обезьяночеловеком (или человекообезьяной). Если же учесть длительный, измеряемый миллионами лет процесс его трансформации вплоть до момента сапиентации, то мы вправе говорить, что гоминиды прошли путь от близкого к обезьянам австралопитекового типа через различного рода модификации обезьянолюдей к человекообразному существу, в определенный момент своей сравнительно недолгой истории ставшему человеком. При этом, естественно, менялся и физический облик, и образ жизни, и характер орудий, пищи, одежды, жилища. Изменялись – расширялись – и зоны обитания, что, впрочем, было тесно связано с колебаниями климата (ледниковый период) и перемещениями тех видов животных, которые были основным объектом охоты гоминид, источником их существования.

Группы первобытных гоминид были своего рода человеческими стадами, и внутренняя жизнь каждого такого стада регулировалась принципами взаимоотношений, характерными для животного мира, прежде всего для приматов. Трудно сказать что-либо определенное о нормах сексуальных связей в стаде, но скорее всего они долгое время сколько-нибудь заметно не отличались от тех, что господствуют в среде приматов. И хотя есть определенные основания говорить об особом отношении к мертвым (по некоторым данным, в эпоху палеоантропов уже существовало нечто вроде обряда погребения),

семьи и тем более общества как такового, которое в чем-либо существенном отличалось бы от животного стада, у досапиентных гоминид еще не было. И семья, и общество возникают только у людей, т. е. в эпоху существования сапиентного человека, и именно этим, помимо всего прочего, сапиентные люди принципиально отличаются от досапиентных гоминид.

2. Социогенез

Человеческое общество, как о том только что шла речь, многими своими корнями восходит к сообществу животных, причем нормы организации такого сообщества, прежде всего приматов, включая хорошо изученные специалистами брачные связи, агрессивные повадки или характер распределения добычи (пищи), естественно, не могли исчезнуть полностью в обществе людей сапиентного типа, тем более быстро. Произошло нечто совсем иное: с возникновением общества как такового в результате сложного и длительного процесса социогенеза эти нормы, по меньшей мере частично, изменились, трансформировались либо отошли на задний план, а то и вовсе оказались табуированными и сохранились лишь в подсознании (что, впрочем, не исключает того, что при известных обстоятельствах эти последние могут актуализироваться, превращая тем самым современного человека в грубое животное, а то и в дикого зверя). Но что именно и когда повлияло на такого рода трансформацию, с чего она началась и как протекала, что послужило импульсом в этом жизненно важном для человеческого общества процессе?

Ответы на эти вопросы могут быть разными. В отечественном обществоведении еще недавно, опираясь на высказывания Ф. Энгельса, уверенно утверждали, что в основе очеловечения обезьяны лежал труд. Эта трудовая теория, однако, не была подкреплена фактами и потому оказалась отвергнутой серьезными исследователями. Современные антропологи выдвигают иные предположения, и наиболее убедительными из них мне представляются построения К. Леви-Стросса, который утверждал, что первоосновой социокультурного процесса, приведшего к становлению общества, явились сексуальные ограничения и в первую очередь запрет инцеста, что сформировало систему упорядоченных брачных связей, генеральном принципом которых был эквивалентный обмен. Обмен женщинами, дочерьми и сестрами породил, помимо

жестко фиксированных брачных связей, осознание отношений родства, в результате чего было определено старшинство поколений, возникли брачные классы и основанные на них родовые, семейно-клановые и затем этноплеменные общности.

Фундаментальный принцип эквивалентного или реципрокного (от лат. *reciprocus* – движение туда и обратно) обязательного обмена, дара и отдара, стал тем самым основой основ существования только что возникшего общества. Изученная современными антропологами, начиная с М. Мосса, обязательность взаимного обмена (не только женщинами, но и пищей, словами-знаками, затем также символическими предметами и изделиями), способствовала становлению норм общения и укреплению социальных связей, без которых общество не могло бы выжить. Но едва ли не самым важным при этом было зарождение в сознании людей представления о необходимости соблюдать все сложившиеся нормы. Система табу (строжайших запретов, нарушение которых было чревато смертью) легла в основу тех немногочисленных, но строго соблюдавшихся заповедей, которые в сумме своей составили, в свою очередь, основу этики, закрепленной чаще всего в параллельно формировавшихся ранних религиозных представлениях (тотемизм, анимизм, фетишизм), колдовских акциях (магия, мантика) и общепринятых культах (умерших предков, плодородия и размножения и др.), расцветших затем в мифологии с ее божествами, духами и героями, креативными процессами, великими подвигами и любовными приключениями. Религиозно-этические представления и связанные с ними строгие нормы повседневного поведения, без видимого принуждения побуждали людей вести себя так, как этого от них требовал коллектив, ждало общество, в состав которого они входили. Экспектации коллектива были законом для людей, не мысливших себя вне своего коллектива и не имевших шансов выжить вне его.

Конечно, стремление человека противостоять сковывающим его стереотипам нет-нет да и прорывалось сквозь строгие запреты. Но общество этого не терпело. Система обязательных норм и жестких экспектаций была неумолима: нарушивший запреты изгонялся из коллектива, что в тех условиях означало едва ли не верную смерть. Эта дисциплинирующая сила строгих санкций и способствовала обузданию в человеке его восходивших к прошлому звериных инстинктов. Иное дело – чужие. По отношению к ним человек был не просто свободен от

сковывавших его запретов, но и как бы имел возможность, даже призван был отпустить на свободу все дремлющие в нем, скованные нормой подсознательные инстинкты.

Деление людей на своих и чужих было главным на ранних этапах развития общества. Все то, что нельзя было делать по отношению к своим, допустимо было по отношению к чужим, – таким был жестокий закон бытия. И он весьма долгое время проявлял себя, причем не только в те далекие времена, когда побежденных врагов попросту съедали, но и много позже, уже в эпоху появления государств с их впечатляющей урбанистической цивилизацией. Пленник-раб – это тот самый чужак, который лишен всех прав человека и как бы отдан на милость победителя, ставшего полным его хозяином и вольного делать с ним все, что пожелает.

Таким образом, строгие этические запреты и нормы поведения, сопровождавшиеся четко выраженными ожиданиями коллектива, не прощавшего по отношению к своим никаких нарушений, переставали действовать при общении с другими людьми – чужими. Это, разумеется, не значит, что в макрообществе всегда шла война всех против всех, что тот или иной коллектив не считал других, включая своих соседей, за людей. Нет. Много зависело от обстоятельств. С одними соседями коллектив имел установившиеся прочные связи и, соответственно, обязательства, с другими — связи родственные и потому здесь сохранялись те же или почти те же нормы поведения. Третьи были сильной и сплоченной группой, задеть которую было себе дороже, – лучше уж жить в мире.

Такого рода соображения не только принимались во внимание, но и были как бы само собой разумеющимися, а все это в совокупности способствовало развитию норм общественного бытия людей. Фундаментом же социально-этических норм были тесно связанные с ними и в немалой степени обуславливавшие их силу принципы социально-экономические. Дело в том, что локальные группы первобытных сапиентных людей, охотников и собирателей, были сравнительно небольшими, обычно 20-30, иногда до 50 человек. Это была оптимальная численность группы, имевшей как бы закрепленную за ней зону обитания и, соответственно, пропитания. Система добычи пищи и ее потребления в группе всегда была жестко фиксирована, причем господствовал строгий принцип уравнительности, действовавший с учетом ролевых функций. Иными словами, одно дело

охотники-добытчики – им всегда лучший кусок, ибо от их силы и активности зависело благосостояние всей группы, и совсем другое остальные – женщины, старики и дети.

Эгалитарность же как господствующая и обязательная для всех норма проявлялась прежде всего следующим образом: каждый вносил в общий котел группы все то, что был в состоянии добыть, и каждый получал из этого котла то и столько, что и сколько было ему положено в соответствии с полом, возрастом и выполняемыми в группе ролевыми функциями (такая форма взаимоотношений – система джаджмани – практиковалась, тысячелетиями воспроизводясь и почти не изменяясь, в традиционной сельской общине Индии). Этот социально-экономический аспект взаимоотношений в группе, который современные антропологи, о чем уже упоминалось, именуют принципом реципрокного, т. е. обязательного взаимного обмена, сыграл решающую роль в процессе саморазвития раннего общества.

Подобного рода саморазвитие происходило, насколько об этом можно судить по исследованиям антропологов, примерно так. Люди никогда не были и в принципе не могут быть равными по своим способностям, возможностям и т.д. В эгалитарной группе неравенство подобного рода проявлялось в том, что лучшие охотники, – а речь идет именно о них, о главных добытчиках группы, – всегда отличались от других охотников ловкостью, умением, удачей, что было очевидным не только при индивидуальной охоте, но и охоте коллективной. Однако эгалитарный принцип потребления как бы снимал это неравенство: добытая каждым в отдельности и всеми вместе добыча потреблялась совместно, с учетом лишь ролевых предпочтений, что было жестким следствием суровых условий быта и без чего группа просто бы не выжила, а общество не могло бы нормально воспроизводиться. В то же время генеральный закон реципрокного взаимообмена, связывающий общество и его локальные группы, настоятельно требовал, чтобы тот, кто вносил в группу наибольшее количество добычи, что-то за это получал от остальных членов группы. Но что? Что все они, менее способные и удачливые, могли дать лучшему (лучшим) из них? Только одно – уважение, почтение, благодарность. Это и стало ключевым импульсом в процессе саморазвития раннего общества, организованного в локальные группы охотников и собирателей. В группе, в обществе появилось то, что нельзя было оценить количеством пищи (а пища всегда была высшей ценностью досоциальной эпохи

бытия человека, таковой она и поныне остается в мире животных), но что стало цениться наравне с пищей, а в социальном плане и выше пищи, – престиж как результат и даже как совокупность того уважения и тех благодарностей, которые заслужили лучшие за их весомый вклад в общее дело обеспечения группы.

Престиж всегда безразличен тем, кто им обладает, даже если они лишены амбиций, что среди выдающихся людей встречается довольно редко. К престижу обычно стремятся, его добиваются, а амбициозные люди – с утроенной энергией. Нет нужды доказывать, сколь выгодно это для общества, для группы: борьба за престиж включает великую энергию соревновательности, состязательности, а она, в свою очередь, увеличивает количество добычи. А коль скоро борьба за престиж становится импульсом для всех членов группы (по крайней мере для тех, кто в состоянии в нее включиться), а сам престиж – наивысшей и пока еще едва ли не единственной всеми признаваемой социальной ценностью, то неудивителен и результат: именно борьба за престиж, за социальное признание и, соответственно, включение амбиций (с учетом того, что все это сопровождается все более щедрыми приношениями соревнующихся в группу, в общество) способствуют как упрочению фундамента общества, так и росту его имущественного благосостояния и социального развития.

Что касается роста имущественного благосостояния, то связь его с погоней за престижем очевидна. Но как последняя сказывается на социальном развитии? Здесь все довольно просто. Включение амбиций способных и удачливых быстро привело к появлению в раннем обществе естественного для него в описываемых условиях принципа меритократии, т. е. выдвижения тех, кто имеет заслуги (престиж). Практически это означало, что лидерами группы имели шанс стать и становились преимущественно, если даже не исключительно, те, кто обладал престижем и именно тем был известен.

Стоит заметить, что в обществе собирателей и охотников локальные группы не были прочными социальными ячейками. Напротив, они легко распадались (чуть ли не каждый год, в лучшем случае существовали несколько лет) и создавались вновь, в иных вариантах. Это было связано со многими обстоятельствами, в первую очередь с тем, что в рамках данной этнической общности (современные антропологи до обстоятельного исследования М. Фрида такую общность часто неверно именовали племенем, но об этом пойдет речь

ниже) членство в той или иной локальной группе ничем не было обусловлено и практически было делом свободного выбора каждого. Но как только группа возникла, она нуждалась в вожаке, лидере. Кто мог и должен был им стать?

Вот здесь и срабатывал принцип меритократии. Группа знает, кто может стать лидером, и выбирает лидера из тех, кто имеет престиж. Именно выбирает, что существенно подчеркнуть. Разумеется, для этого еще не требовались сложные демократические процедуры – хватало жизненного опыта, исторически восходившего ко все тем же стадам животных, тоже не остававшихся без вожака и тоже признававших тех, кто выделялся среди прочих теми или иными достоинствами. Но, в отличие от животного стада, локальная группа все-таки выбирала, а не мирилась с результатами соперничества или столкновения между собой сильных самцов, как то происходит в мире животных. Конечно, и у людей в рамках локальных групп могло, видимо, возникать соперничество, подчас перерастающее в некое единоборство. Но мне упоминаний об этом в трудах специалистов-антропологов не встречалось. Иное дело – столкновение между группами. Известны сказания о противоборстве богатырей с целью определить, чья рать, скажем, должна взять верх. Однако это случалось позже и в совершенно иных обстоятельствах, хотя генетически вполне может быть связано с единоборством в животном стаде, прототипом соперничества лидеров в раннем обществе.

Как бы то ни было, речь идет именно о выборе, даже о своего рода свободном выборе небольшого и случайно возникшего коллектива. Выбор лидера был нормой существования такого коллектива. Можно даже сказать, что спорадические выборы лидера были чем-то вроде зародыша будущей демократической процедуры в земледельческих и тем более в городских (прежде всего античных) общинах. Но в данных условиях это еще отнюдь не демократия, о ней всерьез и не может быть речи. В лучшем случае, это первобытная протодемократия с ее весьма специфическими процедурами. Дело ведь было не только и не столько в том, чтобы избрать понравившегося, сколько в том, чтобы выбрать такого лидера, который бы обеспечил выживание группы.

Лидер группы должен был многое знать и уметь, едва ли не за все отвечать и уж во всяком случае находить выход из сложных ситуаций. Но, как отмечают антропологи, едва ли не главная его функция по традиции сводилась к тому, чтобы щедрой рукой раздавать группе все

то, что ему удавалось добыть или сделать. В отличие от вожака стада животных, который в основном все лучшее берет себе, опираясь на извечное право силы, лидер локальной группы все лучшее отдает, приобретая тем самым престиж и авторитет, которые с течением времени становятся в глазах людей все более высокой социальной ценностью. Пожалуй, единственной привилегией, которой он при этом пользуется, является право на более, чем одну женщину группы.

Касаясь этой проблемы, следует иметь в виду, что примитивные представления прошлого века о некоем матриархате, который будто бы предшествовал патриархату в процессе развития человеческого общества, современной наукой решительно отвергнуты. Не матриархат, но нормальная парная семья были нормой в наиболее раннем обществе. И вот как раз право иметь вторую (сверх нормы, быть может, и третью) женщину и было единственной привилегией лидера небольшой локальной группы.

Группа обычно мирилась с этим, даже если в результате возникал половой дисбаланс (нет нужды пояснять, что право лидера на женщин группы не имело ничего общего с насильственным захватом лишних особ женского пола; как раз напротив, женщины стремились сблизиться с тем, кто был сильнее, способнее остальных; не понимать этого – значит не знать природу женщин). Мирилась потому, что хороший лидер ценился всеми очень высоко, а при плохом группа быстро распадалась. Кроме того, любой дисбаланс был делом временным, и молодые, остававшиеся без пары мужчины, при первом же удобном случае обзаводились женщинами, – разумеется, только теми, кто принадлежал к соответствующему им брачному классу (этой жесткой нормой, к слову, не мог пренебрегать и имевший право на несколько женщин лидер группы).

Важно добавить к сказанному, что все семейно-брачные отношения в рамках моногамной семьи и реже встречавшейся, но все же встречавшейся семьи полигамной (лидер группы и его женщины), не были обусловлены чем-либо иным, кроме как принадлежностью каждой особи к определенному брачному классу. Брак был делом сугубо добровольным и часто временным. Супруги с легкостью расставались, а дети (имеются в виду малые, не достигшие юношеского возраста) следовали за матерью, которая могла легко менять не только группу, но и мужа, так же как и ее бывший муж – жену.

Иными словами, привычная парная семья легко создавалась и столь же легко распадалась, но ни женщина, ни мужчина при этом не оставались без пары, а дети — без заботы о них. Забота о детях, лишившихся почему-либо родителей, была делом родственников и коллектива в целом. Однако эта форма брака и семьи, в каких-то своих параметрах опять-таки восходившая к брачным связям в мире животных, была характерной лишь для раннего общества. На определенном этапе она, как и само общество, изменилась.

3. Неолитическая революция и феномен фундаментальных открытий

Локальные группы охотников и собирателей были характерны для эпохи так называемого верхнего палеолита. Они абсолютно преобладали сорок – десять тысячелетий тому назад, а кое-где дожили в своей остаточной форме до наших дней. Именно в этой, остаточной форме, такие группы и были изучены антропологами, всегда обращавшими особое внимание на отстающие в своем развитии современные этнические общности, будь то аборигены Австралии или индейцы Амазонки. Собственно, это и была та первобытная община сапиентных людей, о которой столь часто и обычно бездумно говорится в истматовских схемах, как правило не утруждавших себя точным определением того, что имеется в виду под понятием «первобытная». Не злоупотребляя в дальнейшем этим термином, будем, однако, исходить из того, что первобытность, которая имеется при этом в виду, — эгалитарный примитивизм бытия тех, кого современные антропологи и именуют локальными группами охотников и собирателей. Иными словами, это бытие бродячих доземледельческих коллективов.

Однако жизнь некоторых локальных групп подчас выпадала из средней нормы, что объяснялось теми исключительно благоприятными условиями, в которых обитали такие группы, и которые способствовали ускоренным темпам их эволюции. Это важно иметь в виду хотя бы потому, что именно из такого рода локальных групп и даже более того, в основном именно их усилиями были созданы и реализованы те великие революционные предпосылки, которые обусловили переворот в образе жизни все тех же первобытных людей. Речь идет о так называемой неолитической революции.

Неолитическая революция проложила четкую и почти непреодолимую грань между локальными группами охотников и собирателей и пришедшими им на смену земледельцами и скотоводами. Стоит напомнить, что главным достижением революции была вовсе не новая техника обработки каменных орудий, хотя именно она дала название эпохе неолита, а переход от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) к производящему, т. е. к земледелию и домашнему скотоводству с оседлым образом жизни. Нововведениями неолита были строительство деревень-поселков со стационарными домами и хозяйственными постройками, изготовление керамической посуды для приготовления горячей пищи и хранения запасов, умение заготавливать впрок сезонные продукты, ткать и шить одежды и т. п. Новые условия быта, сложившиеся далеко не сразу (неолитическая революция заняла не одно тысячелетие в той ближневосточной зоне, где она ранее всего фиксируется археологами), были революционной переменной в истории человечества. Собственно, именно в результате этого долгого процесса успешно эволюционировавшие группы охотников и собирателей, перешедшие грань неолита, оказались на некоей прямой, ведущей к быстрому последующему развитию.

Феномен неолитической революции вплотную подводит к проблеме великих изобретений, фундаментальных открытий в истории человечества. Речь идет о таких великих достижениях, как умение пользоваться огнем, изобретение лука и стрел, знакомство с колесом, изготовление керамики, строительство крупных сооружений, а также о металлургии, земледелии, домашнем скотоводстве, плуге, прядении, ткачестве и т. п. Если не считать огня и лука со стрелами, то все другие достижения как раз и входят в комплекс революционных нововведений эпохи неолита. Более того, именно они и создали материальную базу неолитической революции и предопределили возникновение урбанистической цивилизации, т. е. культуры городского типа. Когда и каким образом все эти достижения стали достоянием человека, во всяком случае земледельца эпохи неолита и энеолита (термином энеолит подчас именуют земледельческие культуры неолита, уже познакомившиеся с металлургией)?

Проблема эта, как и многие другие, связанные с загадками историософии и, в частности, с поиском закономерностей развития человека и его культуры, вызывает споры и не имеет общепризнанных

решений. Еще совсем недавно, во всяком случае, в нашей стране, многие считали, что великие достижения культуры могли возникать у разных народов в разное время по мере развития производства и роста соответствующих потребностей. Эта точка зрения вписывалась в догматы истмата и потому считалась наиболее уважаемой. Лишь немногие отваживались противостоять ей и, вслед за большинством представителей мировой науки, прежде всего антропологии, полагать, что великие изобретения и фундаментальные открытия уникальны по своему характеру и рождаются лишь однажды, причем в условиях благоприятного стечения многих обстоятельств, после чего быстро распространяются по ойкумене посредством механизма так называемой культурной диффузии. Тот факт, что большинство из упомянутых фундаментальных открытий пришлось на эпоху неолита и тесно связано с феноменом неолитической революции, убедительно подтверждает этот тезис, ныне еще, быть может, и не всеми признанный, но практически уже имеющий основания считаться общепринятым.

Разумеется, это не означает, что усовершенствования вторичного характера – тип телеги или лодки, форма строящихся сооружений, методы плавки металлов или хотя бы толькоковки их, тип керамических сосудов и тем более росписи на них, характер ткани и т. п. – не могли совершаться в разных местах различными людьми в зависимости опять-таки от множества разных обстоятельств, прежде всего от окружающей среды. Подчас эти нововведения имели даже принципиальный характер. Известно, в частности, насколько отличались запряженные лошадьми боевые колесницы индоевропейских племен, начиная с митаннийцев и хеттов, от запряженных быками или онаграми и медленно передвигавшихся Шумерских телег с колесами из грубо сколоченных сплошных досок. Однако, тем не менее, главное все-таки сделали шумеры. Скорее всего, именно им принадлежит приоритет в великом изобретении, которое позволило создать первую телегу, самое примитивное сооружение, двигавшееся с помощью колес.

Фундаментальные открытия, послужившие основой неолитической революции, толчком к возникновению цивилизации тех же шумеров, объективно создали материальные условия для трансформации коллективов собирателей и охотников в коллективы земледельцев и скотоводов. Разумеется, это никак не означает того, что вчерашние

охотники сразу же стали преобразовываться в земледельцев и скотоводов. Как раз напротив, нужны были тысячелетия, миграции на многие тысячи километров, а также наиболее благоприятные обстоятельства для того, чтобы медленный процесс трансформации собирателей и охотников привел к появлению пионеров нового образа жизни. Современная антропология и археология уже накопили достаточное количество материалов, которые дают возможность гипотетически реконструировать этот нелегкий и длительный процесс. Суть его сводится к тому, что ранние мигранты из числа охотников и собирателей в так называемую эпоху микролита или микролитического мезолита (мезолит – промежуток между верхним палеолитом и неолитом, примерно 12 – 15 тысяч лет назад) перешли от охоты на крупных животных к охоте на мелких, одомашнили собаку, обзавелись луком со стрелами, копьями, гарпунами и, что едва ли не самое главное, серпами с мелкими вкладышами из кремня. Все эти орудия дали и наименование эпохи — микролит, мелкий камень.

Стрелы, гарпуны и копья с кремниевыми наконечниками, позволяли более продуктивно охотиться на зверя и ловить рыбу, а вот серпы дали возможность женщинам, до того в основном выкапывавшим съедобные корни, срезать колосья дикорастущих растений, особенно злаковых. Собственно, с этого и началось знакомство человека со свойством растений, в частности, злаковых, ежегодно воспроизводиться. Собрал и растерев зерна этих растений, можно было получить вкусную и питательную кашу. Все остальное было уже делом времени и техники. Те коллективы, которые охотились, перемещаясь в природных зонах, где росли злаковые растения и водились мелкие животные, оказались в наиболее выгодных условиях по сравнению с остальными. Именно на их долю и выпало совершить основные открытия неолитической революции в ближневосточных предгорьях Загроса, Анатолии и Палестины.

Копьями и луками со стрелами мужчины убивали животных, но оставляли молодняк, так со временем появилось одомашненное стадо. Серпами женщины срезали колосья, затем собирали зерна и с течением времени убедились в том, что, если зерно попадает в разрыхленную почву, оно прорастает, давая стебель с колосьями, полными таких же зерен. Имея засеянные зерном поля и стадо одомашненных животных, первые земледельцы неолита (именно в результате этих первых открытий неолит и пришел на смену микролитическому мезолиту) уже

не должны были следовать за мигрирующими животными. Они стали селиться близ полей, тем более, что их нужно было охранять от набегов диких животных. Так началось строительство деревень с жилищами и хозяйственными постройками, хлевами и амбарами.

Новый оседлый образ жизни вызвал и новые потребности человека. Именно для удовлетворения этих весьма разнообразных потребностей неолитические земледельцы изобрели многие вещи: шлифованные каменные орудия, керамические сосуды для хранения и приготовления пищи, одежду из растительных волокон и шерсти домашних животных. Каждое из этих фундаментальных открытий далось нелегко. Нужно было заметить, что кусок в общем-то мягкой и пропускающей воду глины, попав в огонь, становится твердым и, главное, не пропускает воду. Заметить – и научиться из обожженной глины делать различного типа и предназначения сосуды. Нужно было догадаться, что сделанные из обожженной глины бруски – кирпичи – можно использовать для строительства больших и прочных сооружений, что из шерсти домашних животных можно прясть нить, а переплетая нити получать ткань, из которой можно шить одежду. И т. д. и т. п.

Короче говоря, отвечая на великий вызов среды, люди совершенствовали свой быт. Изменялась и их духовная культура. В частности, появлялись новые формы религиозных представлений. Так, сознавая зависимость своего существования прежде всего от сил природы и природных стихий, неолитические земледельцы стали уделять большое внимание календарному циклу и связанным с ним подчас весьма сложным расчетом. Иной характер обрели представления о мироздании культ умерших, а также культ плодородия и размножения. Большинство этих новых представлений начали фиксироваться на керамических сосудах, которые покрывались затейливой росписью со сложным, но четко организованным и наполненным символами орнаментом. Обнаруживаемые археологами культуры раннего неолита часто именуются именно по этому, бросающемуся в глаза признаку (культуры расписной керамики).

Неолитическая революция, радикально преобразовавшая за несколько тысячелетий образ жизни и культурные авуары сапиентного человека, – прежде охотника и рыбака, присваивавшего дары природы, а ныне оседлого земледельца и скотовода, ведущего производящее хозяйство, – имела еще два великих следствия, сыгравших столь же революционную роль в жизни людей, что и

остальные ее революционные нововведения. Первое – демографический взрыв, второе – регулярное производство избыточного продукта.

Дело в том, что оседлый образ жизни и обеспеченность пищей резко изменили не только условия жизни человека вообще, но и едва ли не прежде всего и главным образом положение женщин и детей. Если раньше в локальных группах охотников и собирателей женщинам и детям доставались остатки еды, а бродячий образ жизни не слишком способствовал их выживанию, то теперь все изменилось. Возникли условия для резкого увеличения фертильности женщин и выживания детей. Это и привело к демографическому взрыву, принявшему характер почти что цепной реакции. С каждым новым поколением численность населения той или иной деревни едва ли не удваивалась, в результате чего по соседству быстрыми темпами возникали все новые и новые поселения земледельцев и скотоводов. А когда все удобные для пашни земли по соседству были уже заняты, новые поколения снимались с родных мест и уходили далеко в поисках наиболее подходящих территорий для освоения.

Именно так началось освоение ойкумены земледельцами, которые довольно быстро, всего за одно-два тысячелетия, Добрались из ближневосточного центра до Средней Азии, Индии, Китая, Европы и Африки. Таким образом, основные Достижения неолитической революции стали известны всему Старому Свету. Только в юговосточноазиатском регионе, едва ли не наиболее удаленном от ближневосточного и, пожалуй, самом труднодоступном, шел, видимо, некий параллельный и независимый процесс – своего рода мини-революция неолита. Но так как в юговосточноазиатском регионе не было злаковых растений (вместо них преобладали клубне – и корнеплоды типа батата и ямса, значительно менее калорийные и непригодные для длительного хранения), то и его роль оказалась несравнимой с той, что сыграл ближневосточный, единственный в своем роде на территории Старого Света.

Как известно, в конечном счете и юговосточноазиатский регион заимствовал основные нововведения ближневосточного (зернового) неолита. Что касается Нового Света, то здесь протекала своя, опять-таки своеобразная неолитическая революция, в результате которой земледельцы научились выращивать кукурузу и картофель, одомашнили ламу, но не были знакомы с использованием колеса и

потому не изобрели повозок, а также довольно слабо познали технику металлургии.

Итак, именно в результате демографического взрыва неолитические земледельцы освоили ойкумену, вытеснив на обочину жизни и обрекая на вырождение всех тех, кто остался на уровне присваивающего хозяйства. Начался принципиально новый период в истории человечества, знаменательный тем, помимо всего прочего, что регулярное производство продуктов земледелия и животноводства позволило оседлым земледельцам и скотоводам создавать избыточный продукт. Практически это означало, что возникла возможность социального и экономического неравенства, появления таких прослоек населения, которые могли освобождаться от производства пищи и профессионально заниматься иными делами, в первую очередь – административным управлением возрастающего и усложняющегося коллектива.

4. Избыточный продукт и социальное неравенство

Проблема избыточного продукта довольно сложна. Речь идет не столько об абсолютном избытке, сколько об относительном достатке. Дело ведь не в том, может ли коллектив потребить все то, что он произвел и добыл, или он физически не в состоянии сделать это, так что излишки следует выбрасывать или отдавать тем, кому они могут понадобиться. Имеется в виду нечто иное, т. е. некие излишки по отношению к какой-то принятой в данном обществе и тем более в данном конкретном коллективе норме – жизнеобеспечивающему продукту, как его предложил именовать видный отечественный специалист по ранним обществам Ю.И. Семенов. Те локальные группы охотников и собирателей, которые еще до неолита случайно оказывались в благоприятных условиях – необычайно богатых дичью или иными природными дарами местах – и имели продукт сверх средней принятой в их регионах нормы, уже тогда были знакомы с избыточным продуктом, что, к слову, способствовало именно им, этим группам, опережать других в своем развитии и тратить часть времени на эксперименты, включая выращивание дикорастущих злаков и одомашнивание детенышей некоторых животных. В этом смысле избыток – а не недостаток, нехватка, как порой полагали некоторые специалисты прежде, — можно в какой-то степени считать своего рода

отцом всех нововведений, изобретений и открытий человечества. Голодному не до поисков и открытий, ему бы выжить. Ищут и находят именно те, у кого достаток.

Избыточный продукт лежит в основе всей неолитической революции. Но и эта революция в свою очередь дала мощный, гигантский толчок развитию производства и тем способствовала резкому увеличению того же избыточного продукта. Уже упоминалось, что именно это – обеспеченность пищей – а также благоприятные условия оседлого бытия способствовали демографическому взрыву эпохи развитого неолита и расселению земледельцев и скотоводов по всему миру. Но это же, как и все прочие нововведения неолита, сыграло важную роль и в развитии самого общества неолитических землевладельцев. Изменение образа жизни и увеличение количества пищи позволило людям обрести иные формы социально-семейной организации.

Основой новых форм бытия стало оседло-земледельческое хозяйство одной разросшейся семьи, семейно-клановой группы. Именно эта, типичная для неолита структура, заместила собой локальные группы охотников и собирателей. Ушли в прошлое непрочные парные семейные ячейки, легко распадавшиеся и складывавшиеся заново в рамках каждой новой локальной группы. На смену им пришла крепкая большая семья из близких родственников, чаще всего потомков одной пары. Речь прежде всего идет о патриархальной семье, в рамках которой отец-патриарх вместе с женой или женами, взрослыми сыновьями и их женами и детьми, не говоря уже о нередко прибывавшихся к ним аутсайдерах мужского пола (чужие женщины становились женами мужчин семьи и органично вливались в коллектив) являет собой семейно-клановую группу, которая имеет собственное хозяйство. Такого рода семейная группа с ее хозяйством обычно именуется антропологами современным термином «компаунд».

На территории компаунда, неплохо изученного на материале прежде всего тропической Африки, каждая женщина с ее детьми имела, как правило, свою хижину (строение с кухней), отдельные хижины были для мужчин, иногда среди них особо выделялся дом отца-патриарха. Рядом располагались различные хозяйственные постройки, хлева и т. п. Среднее число взрослых в компаунде по некоторым подсчетам 17–20 человек. Иными словами, по своему

размеру новые семейно-клановые группы землевладельцев сопоставимы с локальными группами охотников и рыболовов. В принципе это и были те низовые социальные ячейки, которые в эпоху неолита пришли на смену локальным группам. Но по структуре и ряду других параметров они существенно отличались от прежних.

Дело в том, что внутренние связи в семейных группах были неизмеримо крепче тех, которые связывали между собой членов локальных групп. Соединенные не по своей воле, а по прихоти судьбы, в силу случайности рождения и по законам брачных уз, члены семейно-клановой группы не были коллективом равных друг другу людей, различавшихся между собой только полом и возрастом, как то было нормой прежде. Теперь играли свою важную роль не только пол и возраст, принадлежность к определенному поколению и брачному классу, но и твердо фиксированное место каждого члена новой группы в нерушимой семейной иерархии. Главное и принципиальное нововведение было в том, что место каждого в семейной группе намертво закреплялось и пересмотру в рамках данной структуры не подлежало. Менялась же семейная структура только после ее распада, который мог быть вызван прежде всего смертью возглавлявшего ее отца-патриарха и обычно следовавшим за этим разделом прежней группы на несколько новых, чаще всего по числу сыновей умершего. Но это еще далеко не все.

Стоящий во главе семейно-клановой группы отец-патриарх, в отличие от лидера локальной группы, не избирался, своим положением он был обязан месту в иерархии группы. Иерархия же эта, базирующаяся на неравенстве пола, возраста и поколений, оформляется в обществе неолита в систему возрастных рангов, которые человек (речь прежде всего о мужчине) при благоприятных обстоятельствах проходит на протяжении долгих лет жизни, прежде чем оказывается во главе семейной группы. Соответственно позиция того, кто Достиг положения патриарха, несравнима с выборным статусом лидера локальной группы. Да и функции его уже несколько иные. Он уже не зависит от настроений членов группы и не обязан демонстрировать перед ними свои качества умелого добытчика и щедрого дарителя, а к числу его основных достоинств относится умение приумножить богатство группы, хорошо организовав хозяйство, распределив работы и правильно спланировав все дела, а в случае нужды принять необходимые меры, т. е. прежде всего использовать те самые

административно-управленческие функции, о которых только что упоминалось.

Итак, если, оценить все изложенное с точки зрения проблем социогенеза, то перед нами – в лице семейно-клановой группы неолитических землевладельцев – предстает общество неравных. Конечно, неравенство в своем зачаточном состоянии (по полу и возрасту) существовало и прежде, как оно бывает и в стадах или стаях животных. Но то неравенство, скорее и во всяком случае, прежде всего – биологическое, природное, но не социальное. В социальном плане общество охотников и собирателей было обществом равных, потому оно и именуется антропологами эгалитарным. И только теперь, с неолита (быть может, кое-где и кое-когда и с мезолита), появляется неравенство в его простейшей и наиболее естественной модификации, в виде неравенства социальных рангов, суть которого сводится к тому, что в рамках любого коллектива число позиций высокого статуса ограничено. Иными словами, в неолитическом обществе возникает социальная пирамида, существование которой с этого момента становится фундаментальной основой структуры общества. Здесь мы и сталкиваемся вплотную с глубочайшей философской проблемой равенства и неравенства. Она, эта главная для многих проблема, заслуживает того, чтобы на ней специально остановиться.

Начнем с того, что идея социального равенства принадлежит к числу великих и наиболее привлекательных мифов человечества, периодически скрашивающих безрадостное существование его обездоленного большинства. Поднимаясь в далеком и не столь уж далеком прошлом на восстания в периоды тяжелого кризиса, крестьяне любой страны мира обычно выступали именно под лозунгами социального равенства, передела имущества и ликвидации условий, создающих неравенство. Лозунг равенства занял почетное место на знамени Великой французской революции, идее равенства (правда, со ссылкой на Бога) отдали должное отцы-основатели американских штатов. Словом, очень многие – а в нашей стране и до недавнего времени едва ли не абсолютно все, причем немалое их число и сегодня, – вполне искренне и убежденно полагали и полагают, что для счастья человечеству не хватает именно равенства.

Увы, это глубокое заблуждение. И уж кому-кому как не нам в первую очередь, казалось бы, следует это понимать. Но, как показывает практика, понимания нет. И пройдя через десятилетия горького опыта

формально декларированного равенства (при отсутствии собственности, а отсюда и интереса каждого к плодам своего труда), наше современное общество оказалось не в состоянии увидеть, что причина деградации его – в лживых идеях, внедрявшихся силой и спекулировавших на святой вере во всеобщее равенство, гарантирующее светлое будущее. А между тем залогом успешного развития человечества всегда было – увы! – именно неравенство.

Речь не идет о том, что лучше. Речь и не о равенстве как справедливости, как священном праве каждого на одинаковые стартовые условия, на свободу выбора жизненного пути. Как раз напротив, равенство стартовых условий и свобода выбора (равенство возможностей, как именуют его антропологи и социологи) противостоят привычно понимаемому равенству именно потому, что предполагают неравенство и стартовых усилий, и последующих успехов, которые зависят от неравных внутренних потенций, и от неодинаковых характеров и интересов всех, идущих в жизнь. Иными словами, — и это стоит вновь повторить — люди неодинаковы, никогда не были и не будут одинаковыми. А различия их в основном как раз и сводятся к тому, что одни могут достичь в жизни большего, чем остальные. И вопреки тому, что говорят об этом социальные экстремисты, именно эти различия обеспечивают развитие человечества в целом, т. е. оказывают позитивное воздействие на то самое преобладающее в мире большинство, которое особыми способностями не отличается и всегда склонно принять близко к сердцу идеи равенства, иногда и передела имущества (отнять и поделить).

Можно сказать и больше: именно благодаря неравенству выигрывают все те, кто волею судьбы оказался среди отстающих, слабых и непригодных к достижению зримого и тем более материального успеха в жизни. Неравенство является не только гарантией успешного существования всех, но и своего рода страховым полисом для неуспевающего большинства. Имеется в виду не только благотворительность и поддержание сирых и слабых, что тоже весьма существенно для любого общества, но и создание условий, при которых большинство находит себе место по силам.

5. Социальное неравенство и генеральный принцип редистрибуции

Неравенство, как отмечалось, вполне ощутимо уже в рамках локальных групп с их пользовавшимися престижем и боровшимися за обладание им удачливыми охотниками и имевшими скромные, но все же заметные привилегии лидерами. Здесь была вполне очевидна роль престижа и привилегий. Но это, как упоминалось, нельзя считать именно социальным неравенством в полном смысле слова, можно вести речь лишь о его проблесках. Социальное неравенство как таковое возникает в обществе земледельцев как ранговое. Однако при этом, во всяком случае на первый взгляд, как бы исчезает – по меньшей мере в рамках семейно-клановой группы – роль столь желанного для каждого престижа, ибо высший статус здесь с его помощью уже не завоевывается. Но, коль скоро это так, то каков теперь механизм реализации социального неравенства? Что дает такое неравенство и какую роль играет оно в процессе социогенеза? Почему есть основания полагать, что именно неравенство являет собой ключ к ускоренному развитию общества? Каков механизм всего этого в новых условиях?

Вернемся к семейно-клановой группе неолитических земледельцев. В ее рамках руководителю группы, отцу-патриарху, нет нужды постоянно бороться за реабилитацию своего высокого статуса. Казалось бы, это должно было снизить значимость элемента соревновательности и ценность престижа, подчеркивавшего неравенство и включавшего амбиции способных. Любой патриарх – умный или глупый, заботливый или равнодушный, умелый организатор или безвольный наблюдатель, – теперь равно несменяем и, следовательно, пожизненно занимает свой высокий пост. Все это было именно так. Но именно это и породило новый и более совершенный, нежели прежде, механизм соревновательности, который не только поддержал, но и поднял на более высокий уровень прежнюю ценность престижа и прилагаемых к нему привилегий.

Начнем с того, что глава семейного компаунда, в отличие от лидера локальной группы, являлся хозяином немалого имущества, принадлежавшего по-прежнему, как то было принято считать, коллективу в целом, и во всяком случае созданного и накопленного в результате совокупных усилий всех его членов. Именно благодаря своему положению старшего и ответственного за группу отец-патриарх

приобретает никем в принципе не оспариваемое право распоряжаться этим имуществом. Речь идет только и именно о распоряжении, что стоит особо подчеркнуть. Собственность как институт, тем более частная, на этом уровне развития общества еще не существует ни де-юре, ни де-факто. Но как раз поэтому кто-то должен был брать на себя обязанность решать, как использовать достояние коллектива. И естественное право делать это оказалось в руках старшего и отвечавшего за все. От авторитарного решения отца-патриарха (а в рамках семьи демократии меньше, чем в эгалитарной локальной группе) зависело, кому и сколько выделить для текущего потребления, что оставить в качестве запаса, что выделить для экстраординарных трат.

Понятно и естественно, что умный и способный, заботливый и расчетливый патриарх в состоянии распорядиться всем имуществом коллектива лучше, чем глупый и безалаберный. Прибавьте к этому случайности жизни (у одного много детей, у другого меньше; в одной семье все работают ловко и старательно, в другой — нет и т. п.), и результат будет налицо: семейные группы и их хозяйства, их имущество никогда не бывают и в принципе не могут быть равными. Немногие из них всегда выделялись на фоне остальных. Так бывало везде и, если читатель вспомнит, именно этим вечным законом расслоения деревни умело пользовались коммунисты в годы коллективизации. Но что из этого следует, как это влияет на механизм социогенеза?

Каждая деревня в далеком прошлом представляла собой довольно хорошо организованную социальную общность, общину. В деревенской общине была своя система самоуправления, смысл и задачи которой всем были известны и понятны.

Именно от ее успешного функционирования зависело распределение природных ресурсов, — включая участки земли, уголья и т. п., — между семьями. Проблема ресурсов даже с учетом уже упомянутого демографического взрыва обычно не сводилась к их нехватке. Важным было именно справедливое распределение, т. е. опять-таки момент административного регулирования. Собственно, именно для этого, во всяком случае прежде всего для этого и возникала общинная система самоуправления. Что же она собой представляла и как функционировала?

При всей многочисленности конкретных вариантов суть дела сводилась к тому, что существовал выборный орган самоуправления. Именно на уровне общины элемент выборности, отбора наиболее достойных, уважаемых, обладавших престижем, не только сохранял свое значение, но и обретал новый смысл, более высокую общественную значимость. Ведь от правильности выбора теперь во многом зависело существование большого коллектива, уже несопоставимого едва ли не по всем своим параметрам с прежними локальными группами охотников и собирателей. И совершенно естественно, что к выборным должностям членов общинного совета и тем более старейшины (чаще всего была одна должность общинного старейшины) стремились многие, если не все из тех, кто имел реальные возможности добиться избрания. Речь идет, разумеется, прежде всего о тех самых отцах-патриархах, главах семейных групп, в руках которых были административные рычаги управления хозяйством их компаундов.

Почему именно это обстоятельство – обладание административным опытом и рычагами управления хозяйством компаунда – было столь существенным? Конечно, здесь играли свою роль требования к самой должности старейшины: определенные знания, умение, опыт в административно-хозяйственной сфере. Но главное было все же не в этом. Главное было в том, что в ходе выборов наивысшие шансы на успех обретал тот, кто обладал наибольшим престижем и имел достаточное количество поддерживающих его клиентов. То и другое необходимо было завоевать в острой конкурентной борьбе. О том, как это происходило, дает представление хорошо изученная антропологами на примере прежде всего папуасской деревни система так называемых престижных раздач (у североамериканских индейцев нечто подобное известно как «потлач»).

Механизм этой системы, восходящий к уже описанной глубокой древности, сводится ко все тому же реципрокному дарообмену: посредством щедрых демонстративных раздач в дни семейных или иных праздников глава той или иной процветающей семейной группы на правах распорядителя имущества своего коллектива закалывает сразу весь скот (у папуасов это обычно 30–40 свиней) и приглашает всю деревню. Отказаться от приглашения невозможно, а жесткий закон эквивалента требует от всех присутствующих на празднике гостей вернуть принятый дар. Но, так как сделать это в материальной форме

мог не каждый, ибо не в каждом хозяйстве имелось столько свиней, разница возвращалась в форме определенных обязательств и зависимости, что и обеспечивало главе богатого коллектива (патрону) поддержку зависящих от него клиентов на очередных выборах.

По формулировке М.Фрида, путь от элитарного общества к ранговому есть движение от практики реципрокного обмена к системе, в которой уже обозначены распределительные возможности лидеров групп, т. е. к *системе редистрибуции*. Социальные и административно-экономические аспекты феномена редистрибуции разработал экономантрополог К. Поланьи. Речь идет о генеральной системе централизованного перераспределения прежде всего того самого избыточного продукта коллектива, о котором уже говорилось. Пожалуй, следует еще раз заметить, что строгой грани между избыточным и необходимым продуктом нигде и никогда не существовало, так что попытка вычленить именно Избыточный продукт (сверх жизнеобеспечивающего) есть теоретическая абстракция, не более того. Однако такого рода абстракция важна для понимания сути проблемы: тот, в чьих руках находится перераспределение коллективного продукта, пусть даже только избыточного, не затрагивающего жизнеобеспечивающую норму, оказывается обладателем социальных, а затем и политических рычагов огромной важности.

Следовательно все начинается с практики перераспределения накопленного зажиточной семьей имущества ее главами, деревенскими богатеями – бигмэнами, как они обычно именуется в современной антропологии. Принципиальное отличие таких бигмэнов от обладавших престижем лидеров локальных групп охотников и собирателей как раз и сводится к тому, что бигмэны, имея в руках рычаги редистрибуции (и соответственно немалое количество продукта, который можно было с выгодой лично для себя раздавать всем), добиваются престижа вроде бы без всяких видимых усилий. На самом деле это не так. Просто в новых условиях земледельческого неолита уже не качества умелого добытчика и мужественного охотника, но административная хватка хозяина и дальновидный расчет распорядителя становятся фундаментом для достижения всегда столь желанного престижа. Без этого бигмэнами не становятся.

Те бигмэны, которые добились наибольшего престижа и заручились поддержкой имеющих перед ними обязательства и

зависящих от них клиентов, могут вступить друг с другом в острую конкурентную борьбу в момент выборов руководства общины. Успех в ходе этой борьбы, как то бывает всегда на более или менее честных выборах, выпадает на долю того из претендентов, за кого выступает большее количество клиентов- избирателей и кто известен своими наиболее щедрыми раздачами. Разумеется, при этом как бы автоматически имеется в виду, что обладатель престижа и широкой поддержки является справедливым и достойным человеком, способным и умелым администратором и что именно поэтому его избирают старейшиной или членом общинного совета.

Избрав старейшину общины, общинный коллектив (от имени которого выступают избиратели, т.е. прежде всего наиболее уважаемые отцы-патриархи) по-прежнему ожидает от него прежде всего и главным образом щедрых раздач. И старейшина общины, особенно на первых порах, пока его должность еще не институционализировалась, хорошо это понимает. Обладая правом и обязанностью разумно распоряжаться коллективным достоянием общины, складывающимся из регулярных взносов в общинные амбары на совместные ритуальные, страховые и иные нужды, он в необходимых случаях широко открывает не только казенные, но и собственные амбары и хлевы, дабы щедро угостить всех. Это было не столько даже его обязанностью, сколько необходимостью. Старейшина должен был постоянно реабилитировать свой высокий престиж, в противном случае он его просто терял. Скупой хозяин не мог ни занять столь высокий пост, ни удержаться на нем.

Функции общинных лидеров были довольно разнообразными. Сюда входило и спорадическое перераспределение земельных участков и угодий, и организация необходимых для нормального существования коллектива общественных работ, и налаживание связей с соседями, включая межобщинный обмен, и решение внутриобщинных споров, и представительство на ритуальных празднествах в масштабах более широкой общности, прежде всего этнической, да и многое-многое другое. Однако главной для него всегда оставалась функция верховного редистрибутора. Именно эта функция, выделяя его из всех, обеспечивала ему высокий социальный статус и более того, как бы преобразовывала завоеванный им престиж в нечто более весомое и осязаемое, в авторитет возвышающегося над всеми руководителя.

Разумеется, все это происходило медленно и постепенно, хотя и имело характер необратимой трансформации, тесно связанной с

институционализацией как должности, так и ее основных функций. Процесс, о котором теперь пойдет речь, был естественным и даже как бы само собой разумеющимся. Согласно непреложным древним законам реципрокного дарообмена, за свою важную, трудоемкую и общественно необходимую организационно-административную работу старейшина должен был получать от тех, для кого эта работа велась, некий эквивалент. Это понимали все и всегда. Вначале эквивалент выражался, по-видимому, в форме спорадических подарков за услуги по перераспределению участков и угодий, разрешению споров и т. п. Возможно, члены общины в случае надобности принимали безвозмездное участие в строительстве нового большого дома для старейшины и его немалой семьи – ведь строение, предназначенное для главы общины, должно было как бы олицетворять степень процветания всего общинного коллектива, это тоже был своего рода элемент общественного престижа.

С течением времени все спорадические подарки, подношения, различные виды бесплатной для общинного старейшины помощи становились своего рода общепринятой нормой и обретали вид регулировавшихся обычаем обязательств. Разумеется, это еще не были односторонние обязательства коллектива перед лидером. Глава общины по-прежнему в случае праздников и экстраординарных ситуаций настежь открывал все двери общинных и своих амбаров и складов. Однако неуклонный процесс институционализации норм централизованной редистрибуции делал свое дело: в процветавшей и время от времени расширявшей свои владения земледельческой общине, порой состоявшей из нескольких соседних деревень, взносов, подношений и отработок становилось все больше, а глава общины постепенно превращался уже не просто в редистрибутора, но в «хозяина земли», как он начинал именоваться в некоторых общинах (по наблюдению антропологов).

Момент превращения распределителя совместного имущества в его хозяина теоретически очень значим, ибо на практике такого рода трансформация означала преобразование основанного на привычном престиже авторитета руководителя в его власть над теми, кем он призван руководить. В триаде «престиж – авторитет – власть» именно последнее звено, власть является вершиной устремлений всех амбициозных личностей, к числу которых всегда относились

руководители любого ранга. И первыми в истории вкус власти почувствовали старейшины институционализировавшихся общин.

Что такое власть? В политологии существует великое множество определений этого понятия. Наибольшего внимания среди них заслуживает классическая формула М.Вебера: власть – это возможность лидера осуществлять свою волю вопреки сопротивлению тех, кого это затрагивает, или при их согласии.

Но если так, то власть общинного старейшины – только начало, первый признак власти. Однако она тем не менее уже существует и функционирует, а в качестве ее основы выступает в конечном счете все та же система централизованной редистрибуции, о которой столько было сказано. Власть эта пока еще основательно ограничена. Она не подкреплена какой-либо силой и держится исключительно на авторитете ее обладателя. Это так называемая власть положения. Но она, тем не менее, достигается нелегко и стоит дорого. Главное же в том, что она открывает путь для всех честолюбцев, каждый из которых хорошо понимает – для достижения алаисти необходимы престиж и авторитет. Авторитет, рождающий власть, имеет в качестве своей основы все тот же престиж, который в рамках земледельческой общины может достигаться разными способами.

Здесь мы от алгоритмического изложения привычной нормы перейдем к столь значительным в истории общества элементам случайности. В самом деле, говоря о строгой норме, мы исходили из того, что кандидаты в старейшины – это главным образом умудренные жизненным опытом и далеко не молодые отцы-патриархи. Однако в жизни случалось всякое. Престиж мог при случае заработать и более молодой человек, оказавший заметные услуги своей деревне, – в частности, сыгравший главную роль в отражении нападения со стороны соседей. Возможны были и иные варианты быстрого роста престижа и авторитета у тех, кто хочет стать старейшиной. Выставить свою кандидатуру после смерти отца мог, например, сын старейшины, хорошо проявивший себя в сложных обстоятельствах (скажем, в дни тяжелой болезни отца). Коль скоро путь проложен, его мог использовать каждый. Путь этот был нелегок, чреват падениями и даже крушениями, однако это никогда не останавливало честолюбцев, особенно тех, кто считал себя не таким, как другие, и делал все, что в его силах, для того, чтобы доказать всем (и себе самому в первую очередь), что он имеет основания считать себя таковым.

Вот это и есть тот самый механизм, который включает амбиции сильных и способных и позволяет им выделиться. В земледельческом обществе, о котором идет речь, т. е. в условиях господства общинной структуры (нечто подобное бывало и в обществах кочевых, возникших позже, чем земледельческие, и размещавшихся в степных районах ойкумены, непригодных для земледелия) единственной, во всяком случае вначале, возможностью выделиться было достижение должности общинного лидера, а вместе с ней власти, опирающейся на право централизованной редистрибуции. При этом амбиции получавших власть честолюбцев играли огромную роль в жизни коллектива, хотя для этого, разумеется, нужны были объективные условия, способствовавшие, скажем, возникновению первичных протогосударственных образований.

В заключение стоит еще раз обратить внимание на то, что включение амбиций способных честолюбцев и есть наглядное проявление социального неравенства как мощного двигателя прогресса, да и вообще любой эволюции. В конечном счете именно активность немногих – но чаще всего (хотя далеко не всегда) достойнейших – ускоряла движение общества, способствовала переходу его на новую ступень, помогала сделать очередной шаг в развитии. Шаг, который при некоторых удачно сложившихся обстоятельствах могла сделать развитая земледельческая община, – это переход к надобщинным политическим структурам (вначале, естественно, в их наиболее примитивной форме).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАННИЕ ШАГИ ИСТОРИИ;

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОГЕНЕЗА

6. Генезис первичных надобщинных политических структур (феномен урбанистической цивилизации)

Грань между предысторией и историей всегда несколько условна. Обычно принято считать, что история начинается с того момента, когда в первичных центрах урбанистической цивилизации появляется письменность. На мой взгляд, этот критерий хотя и важен, но не решает всего. Более того, письменность появляется лишь в комплексе

цивилизации городского типа и является одним из ее элементов, пусть даже очень существенным. Подлинной же первоосновой истории следует все-таки считать формирование первичных надобщинных структур в зоне урбанистической цивилизации. Или, иными словами, история начинается с процесса политогенеза.

Проблемы политогенеза принадлежат к числу едва ли не наиболее сложных и спорных в современной историософии. К тому же истматовские схемы, опиравшиеся на марксистскую теорию возникновения государства в результате появления развитой частной собственности и непримиримых классовых противоречий между имущими и неимущими, еще более запутали, по крайней мере в отечественном общественном сознании, эту проблематику. Но и без них политантропологи разных стран сломали немало копий в спорах о том, как и почему возникали первые в истории государства. Не вдаваясь в сущность этих споров, замечу, что они демонстрируют неустанный – на протяжении многих десятилетий, если даже не веков, по меньшей мере с середины XIX в. поиск ответов на эти вопросы. Поиск этот вели как теоретики, в том числе философы, так и полевые исследователи-антропологи, старательно изучавшие ранние человеческие коллективы, находившиеся на разных уровнях развития, и сопоставлявшие результаты своих исследований.

Из теорий, имевших в свое время немалое число сторонников, можно вспомнить те, авторы которых (например Ф.Оппенгеймер) придавали особое значение войнам. Последующие исследования доказали, однако, что войны в догосударственных обществах имели не тот характер, что после возникновения государственных образований. Иными словами, развитая военная функция была не причиной, а следствием процесса политогенеза, тогда как воинственные нападения одних деревень на другие не влекли за собой завоеваний и не имели потенциалов для политогенеза. Это значит, что первичные протогосударственные образования возникали не в результате завоеваний, что было бы легко предположить (и что порой напрашивается само собой), но при иных обстоятельствах. Какими же были эти обстоятельства?

Усилиями современных антропологов проблема в основном уже решена. Специалистами доказано, что первичные протогосударственные образования возникали в зоне урбанистических цивилизаций в результате удачного, быть может, даже уникального стечения

благоприятствовавших тому обстоятельств. Феномен урбанистической цивилизации, тщательно изученный в свое время Г. Чайлдом, а после него и многими другими исследователями, концентрирует внимание специалистов на тех нововведениях позднего неолита и энеолита, которые способствовали трансформации неолитических культур в ранние цивилизации. Речь шла прежде всего о ближневосточной нильско-месопотамской цивилизации городского типа.

Здесь мы снова вспомним о том, что неолитическая революция, протекавшая в ближневосточном регионе около 12 – 8 тысяч лет назад, завершилась расселением избыточного земледельческого населения прежде всего на наиболее благоприятных для земледелия соседних территориях. Именно такими и были долины великих рек – Нила, Тигра и Евфрата. Спускаясь с предгорий в низовья, в заросшие камышами и населенные дикими животными речные долины, первые осваивавшие эти долины земледельцы должны были активно Противостоять вызову дикой природы в столь благодатных для поселения людей землях. Это породило в новопоселенцах, хорошо вооруженных техникой неолита и ападевших многими фундаментальными открытиями, огромную энергию неофитов, энергию преобразователей. Результаты не замедлили сказаться: за короткие одно-два тысячелетия долины великих рек были преобразованы до неузнаваемости – появились поля, регулярно орошаемые и потому плодородные, а также поселения, наиболее значительные из которых уже имели крупные строения, дворцы и храмы, а то и городские стены. Так были заложены основы той самой урбанистической цивилизации, которая послужила материальным фундаментом для возникновения первых надобщинных политических структур и в то же время развивалась дальше усилиями и во имя интересов уже сложившихся в долинах великих рек первых в истории человечества протогосударств.

Как конкретно мог выглядеть сложный процесс первичного политогенеза, т. е. возникновения самых ранних в истории человечества надобщинных политических структур, формировавшихся в условиях полного отсутствия каких-либо эталонов, на которые появившиеся после них аналогичные государственные образования вольно или невольно равнялись? Специалисты (Р. Кулберн, Р. Карнейро, Э. Сервис и ряд других) обращают внимание на несколько благоприятствовавших этому не слишком быстрому процессу факторов.

Одним из них должен был быть фактор природно-климатический, обеспечивавший благоприятные условия среды, о чем только что упоминалось. Другим – сравнительно высокий уровень техники и технологии, уже достигнутый прибывшими в долины великих рек передовыми отрядами земледельцев неолита и энергично использовавшийся ими в условиях постоянной борьбы за существование даже в тех благоприятных условиях среды, в которых они по воле судьбы оказались. Третий важный фактор – наслаивание одной волны пришельцев на другую, т. е. постоянное взаимодействие представителей разных этнических общностей и археологических культур, как мирное, так и любое иное. Результатом был процесс плодотворной амальгамации, опиравшийся на способность воспринимать привносимые извне полезные нововведения и усовершенствования. Четвертый фактор – демографический оптимум. Имеется в виду довольно высокая и, к слову, обычная как раз для речных долин плотность населения. Этот момент был особенно важен, ибо, когда существуют и действуют другие факторы, именно демографическое давление вызывает тот решающий импульс, который создает силовое поле, резко ускоряющее весь процесс. Происходит нечто вроде качественного скачка, некоего взрыва, может быть своего рода мутации. В результате возникает новое качество, протогосударственная структура.

Специалисты-антропологи, пытавшиеся реконструировать процесс генезиса протогосударственных структур, обратили внимание на то, что в конкретной исторической действительности все в конечном счете сводилось к присоединению соседних поселений одним из наиболее сильных и потому выигрывающих соперничество с соседями общинных старейшин. Видимо, примерно так и было в той глубокой древности, к которой относится возникновение первичных протогосударств, – разумеется, с учетом всего того, что уже было сказано о сопутствовавших этому уникальных, способствовавших процессу обстоятельствах. Как бы то ни было, но на смену общине или, точнее, группе соседних общин, руководители которых традиционно соперничали между собой, приходит в результате завершения всего сложного процесса политогенеза небольшое первичное протогосударство – «чифдом» (вождество), как его именуют специалисты.

Следует оговориться, что соперничество между старейшинами происходило, скорее всего, опять-таки не силовыми (силы как таковой в их распоряжении еще не было, о чем говорилось выше), но традиционными именно для тех обществ методами, едва ли не решающую роль среди которых играли все те же щедрые демонстративные раздачи или даже, как на то обратил в свое время внимание М. Харрис, нерациональное потребление ценностей, в том числе и их уничтожение самим хозяином. Уничтожая в присутствии соперников имущество, которое имеет цену, владелец его тем самым унижал своих соперников. Учитывая классический принцип «принятие дара принижает, дарение возвышает», раздача или уничтожение имущества в присутствии соперников давали определенные шансы на возвеличение. Возможно, в ходе соперничества, о котором идет речь, немалую роль играли и божественные силы: тот, чьи божества-окровители каким-либо образом проявляли себя активнее других, мог иметь соответствующие преимущества. Это важно подчеркнуть потому, что в первых из известных истории шумерских протогосударственных образованиях главы протогосударств (городов-государств типа Ура, Урука, Лагаша, Киша, Уммы и т. п.) были одновременно и правителями, и первосвященниками, т. е. сосредоточивали в своих руках всю имевшуюся в то время власть – земную и небесную.

7. Структура первичного

урбанизированного протогосударства

(протогосударство как форма самоорганизации

надобщинной социальной общности)

То обстоятельство, что первичная надобщинная структура возникает при благоприятствовавших этому условиях, в конечном счете как результат соперничества честолюбивых общинных лидеров, не должно создавать иллюзий. Государственные образования не возникают по воле амбициозных честолюбцев, хотя и они играют здесь далеко не последнюю роль. Больше того, можно проследить некую логическую закономерность: протогосударство как структура, заменившая общину и вобравшая в себя группу соседних общинных поселений (одно из которых, обретя черты города, становится его столицей и местопребыванием его правителя), есть не что иное, как естественная и само собой разумеющаяся *форма самоорганизации*

разросшегося и усложнившегося общества в определенных условиях его существования.

В самом деле, те же самые общины, оказавшиеся в иных условиях существования и, в частности, не мешавшие друг другу на небольшой территории плодородных речных долин, вполне могли длительное время сохраняться в том виде, в каком они были. Но именно они становились едва ли не первой жертвой расширявших свои территории протогосударственных или более развитых раннегосударственных образований, формировавшихся неподалеку от них и всегда имевших явно враждебную по отношению к соседям тенденцию к расширению своих пределов. До тех же пор, пока эти общины не были инкорпорированы в состав соседнего государства, они не искали иных форм самоорганизации, ибо были вполне удовлетворены имеющимися. Другое дело – те, в речных долинах, на примере которых была дана реконструкция процесса политогенеза.

Их принципиальное отличие как раз и заключалось в том, что прежние формы привычной общинной самоорганизации в новых условиях их больше не удовлетворяли. Нужны были иные. Какие точно – никто, естественно, не знал, включая и старейшин, соперничавших друг с другом. Но сам объективный процесс, требовавший новых форм самоорганизации тесно сцепленных друг с другом соседних общинных поселений, высветил путь, по которому эти общины должны были пойти, – путь формирования протогосударств. Реализовавшие же этот путь удачливые общинные старейшины, ставшие правителями протогосударств, оказались лишь теми способными честолюбцами, на чью долю выпало помочь самоорганизации усложнившихся коллективов и, соответственно, возглавить новые формы этой самоорганизации.

Возникновение надобщинной структуры даже в самой первоначальной ее форме было, как уже отмечалось, качественным скачком в развитии общества. Появилась принципиально новая форма существования общинных коллективов. На смену старейшине и (или) общинному совету как выборным организациям общинного самоуправления пришел административный аппарат надобщинной власти во главе с правителем (правителем-первосвященником). Аппарат администрации в первичных древневосточных протогосударствах был уже оторван от общинных коллективов и территориально (представители власти обитали в городском храмовом

центре, ставшем столицей), и профессионально. Вне зависимости от того, насколько этот аппарат (чиновники, жрецы, воины-дружинники), а также обслуживающий его персонал, т. е. профессионалы-ремесленники, слуги и рабы, в основном из числа аутсайдеров, пленных чужаков-рабов, был все еще связан с земледелием (эта связь, видимо, ограничивалась владением земельным участком, который чаще всего теперь сдавался в аренду в своей деревне, уже не имевшей излишков пашни и потому – в лице по меньшей мере некоторых ее семейных коллективов с немалым числом рабочих рук – заинтересованной в аренде), в основном он уже был оторван от участия в производстве пищи.

Аппарат власти во главе с правителем, вокруг которого складывался влиятельный клан из его ближайшей родни (тоже обычно не жившей в общинной деревне и, соответственно, не принимавшей участия в сельскохозяйственном производстве), существовал за счет того избыточного продукта окружавших город деревенских общин, о котором уже немало было сказано. Те взносы, которые прежде были лишь выражением признательности общинному старейшине за его общественно полезный труд, и" вносились в качестве необходимого вклада в страховую и ритуальный общинный фонды, теперь стали регулярными выплатами, все более определенно принимавшими форму налога. Этот налог скапливался в городе в храмовых амбарах и складах, и именно за счет перераспределения налоговых средств (централизованной редистрибуции) содержался весь аппарат администрации, включая и клан правителя, и протогосударство в целом как политический организм, требовавший для выполнения всех необходимых функций немалых затрат.

Затраты, которые имеются в виду, были самыми разнообразными. Нужно было вести престижное городское строительство, т. е. возводить храмы, дворцы, городские стены, дороги, ирригационные, погребальные и все прочие сооружения, обязательные для нормального функционирования разросшегося коллектива и достойные величия данного государственного образования, олицетворяемого теперь прежде всего и главным образом его правителем. Все это делалось преимущественно за счет трудовых повинностей общинного населения, которые пришли на смену прежним внутриобщинным общественным работам. Стоила урбанизация, разумеется, очень дорого, а средства всегда были весьма ограниченными. Возникал

драматический разрыв между растущими престижными потребностями и ограниченными возможностями небольшого протогосударства. Этот разрыв правители стремились ликвидировать за счет расширения своих владений и, соответственно, притока налогов в казну, а также мобилизации населения на общественные работы. Средством достижения подобной цели в условиях плотно заселенных речных долин могли быть только войны.

Именно с появлением первичных протогосударств возникла и даже вышла на передний план военная функция, которая заметно оттеснила, по меньшей мере на некоторое время, административную, хозяйственно-экономическую, медиативную и некоторые другие функции, доставшиеся аппарату администрации государственного образования в наследство от старейшины прежней общины. Собственно, именно гипертрофия этой функции породила хорошо известное нашему читателю из построений истмата представление о том, что развитому государству предшествовал период так называемой военной демократии. Ныне уже доказано, что «военная демократия», как феномен (например у викингов-варягов – о степени демократичности этих сообществ следовало бы вести речь особо, это скорее была полуразбойная вольница) установилась много позже рождения первичных протогосударств и была исключительным явлением, но отнюдь не общей нормой. Однако, это никак не свидетельствует о том, что войны в период формирования первичных протогосударств не имели большого значения. Как раз наоборот, военная функция в это время была, как упоминалось, едва ли не основной.

Правители успешно развивавшихся государств постепенно начинали теснить своих соседей и при удобном случае – таким случаем как раз и могла быть война – присоединять их территории к своим. Если соседи были этнически родственными, они гармонично вливались в укрупнявшееся государственное образование, в результате чего на смену элементарному простому протогосударству приходило структурно более сложное, состоявшее как бы из двух уровней администраций – центральной и нескольких региональных. Принципиально региональные подразделения при этом ничем не отличались от центрального, но статус их был ниже, ибо они находились в подчинении центру. В противном случае, т. е. если присоединяемые территории были заняты этнически чуждыми

общностями и разница между уровнем их развития и уровнем развития завоевавшего их государства была существенной, завоеванные земли получали права некоего полуавтономного образования (со своим правителем) и платили центру определенную дань. Подчас, как заметил Р. Адаме, периферийные структуры присоединялись к центру практически добровольно: между ними и центром (разумеется, в лице их правителей) устанавливались те самые патронажно-клиентные связи, механизм возникновения которых был уже охарактеризован. Неясно, насколько это могло быть обычным явлением. Пожалуй, более частым и обычным было все-таки военное присоединение.

Важно в завершение темы о первичном протогосударстве обратить внимание на то, что верховная власть правителя, во всяком случае на первых порах, оставалась выборной. Разумеется, правитель, вкушивший сладость власти, теперь уже не спешил с ней расстаться. Напротив, он старался всеми силами ее удержать, в чем было заинтересовано и общество, ибо авторитарная власть вождя гарантировала стабильность и способствовала интеграции, усилению протогосударства и расширению его территории. Однако нельзя было просто отказаться от переизбрания правителя (в отличие от старейшины общины), нужно было обосновать право на это, что рано или поздно и происходило.

Речь идет о сакрализации власти правителя. Правитель протогосударства в глазах уже достаточно многочисленных своих подданных стоял очень высоко. Он жил не так, как его подданные, занимался иными, чем они, делами и редко контактировал с простыми людьми. К тому же он часто был первосвященником и воспринимался как некий носитель божественной благодати, как могущественный посредник между миром живых и всеми сверхъестественными силами, включая и умерших вождей.

Насколько это известно специалистам, все возникавшие в те времена ранние религиозные системы так или иначе были связаны с сакрализацией личности и особенно должности вождя. Вождь постепенно превращался в символ коллектива, а его авторитет и власть становились чем-то вроде сакрального его свойства. Иногда дело доходило до того, что к правителю нельзя было прикасаться, нельзя было есть пищу, до которой он дотрагивался. Но рано или поздно правитель уходил из жизни. А так как средняя продолжительность жизни в те далекие времена была сравнительно невелика, не говоря уже

о случайностях войны и иных перипетий жизни, то происходило это довольно часто.

Возникал вопрос, кто должен занять опустевшее место, кого следовало избрать новым правителем. Здесь важно заметить, что выбор с течением времени ограничивался все более узким кругом возможных кандидатов. Это объяснялось несколькими существенными обстоятельствами. Во-первых, обладание вождем сакральной благодатью все определенной воспринималось как свойство не только его самого, но и близких к нему людей, его ближайших родственников, членов семьи и клана, которые, в отличие от простых подданных, постоянно и тесно с ним соприкасались и уже хотя бы этим выделялись среди них. Во-вторых, считалось, что для управления протогосударством нужны были не только и даже уже не столько способности, хотя это всегда имело значение и принималось во внимание, сколько определенные навыки, вырабатывавшиеся с детства прежде всего у тех, кто был причастен к власти, находился в числе ближайших родственников правителя, членов его семьи и клана. В результате, хотя после смерти правителя на его должность обычно претендовали сразу несколько кандидатов, наиболее острое соперничество в борьбе за власть возникало прежде всего между близкими родственниками покойного. Иногда это приводило к жестокой борьбе, которая дестабилизировала неустоявшееся еще государственное образование. Так или иначе, но вопрос о наследовании в конечном счете решался, причем даже довольно быстро, ибо для этого существовали необходимые процедуры. Однако естественное стремление не допустить дестабилизации структуры хотя бы на время заставляло искать кардинальное решение проблемы наследования власти.

Проблема была решена с помощью так называемого конического клана. Это название антропологи дали пирамидальной структуре родственных связей, суть которой сводилась к тому, что на каждом этаже пирамиды, начиная с ее вершины, т. е. с правителя, от которого шел отсчет поколений потенциальных его наследников, преимущество отдавалось лишь одной главной линии родства (все остальные считались боковыми или коллатеральными). На практике это означало, что только один из сыновей правителя (чаще всего, но не обязательно старший) становился наследником, а все остальные, отодвигаясь от главной линии, оказывались главами некоторой части все той же

пирамиды и тоже передавали свое место (титул и должность) одному из своих сыновей, причем и здесь другие сыновья тем с[^]мым отодвигались в сторону от главной линии.

Таким образом, возникала сложная пирамидально-коническая система, кланового родства в доме правителя. Если у очередного правителя почему-либо не было собственного сына, право наследования получал один из его братьев, а то и племянников. Если старший сын-наследник умирал раньше отца, место наследника мог занять другой сын или внук от старшего сына. В этих случаях, кроме последнего, главная линия чуть изменяла свое направление, но затем она вновь выправлялась по тому же принципу конического клана. Со временем подобного рода структуры появились почти во всех ранних государственных образованиях, что способствовало, с одной стороны, институционализации и сакрализации власти правителя, а с другой — стабилизации структуры в целом, в чем были безусловно заинтересованы все.

Принцип наследования должности правителя многое изменил в привычной структуре политической организации. Если раньше в ней едва ли не абсолютно господствовал принцип меритократии, т.е. престиж и авторитет способных, удачливых и амбициозных, то теперь место намертво было закреплено за тем, кто имел на него право в силу случайности своего рождения. Практически это означало, что во главе большого коллектива легко мог оказаться человек ограниченный, глупый, распушенный, безответственный и т. д. и т. п. Так оно по сути дела и бывало. Это была своего рода плата коллектива за желанную стабильность структуры в целом. Но для того чтобы эта плата не была чересчур тяжелой и, главное, чтобы глупость и безответственность правителя не могла поставить структуру на грань гибели, со временем были выработаны методы, успешно этим угрозам противостоявшие. Они в самом деле в общем виде сводились к тому, что при неспособном правителе власть брали в руки его министры, а если правитель был при этом еще и претенциозен, т. е. мешал своим министрам, то всегда находился какой-либо из близких родственников, кто был готов занять его место. Происходил дворцовый переворот, и мешавший социуму правитель устранялся. Надо сказать, что подобного рода перевороты случались и тогда, когда правитель соответствовал своей должности. Иными словами, никакая высшая власть не гарантировала прочность трона ее обладателю. За трон всегда необходимо было бороться, всегда

следовало быть начеку. И дольше других мог удержаться на троне сильный, умелый и умный, тот, кто не допускал промахов и ошибок, не вызывал своим правлением недовольства у подданных, кто разумно использовал способности своих помощников, советников и министров и щедро распределял все добытое, полученное и завоеванное между всеми своими подданными.

8. Этническая общность, трибадизация, племя и племенное протогосударство

Возникновение и институционализация первичных протогосударственных структур в условиях возникавшей и укреплявшейся параллельно с ними и в основном в результате их усилий урбанистической цивилизации резко обостряли отношения между теми, кто вырвался в своем развитии вперед, и всеми остальными из числа неолитических общностей земледельцев и скотоводов. Вся сложность ситуации была в том, что, раз возникнув рядом друг с другом и быстрыми темпами развиваясь, несколько передовых первичных протогосударственных образований не только энергично расширяли зону своих владений за счет равных им соседей, т. е. соседних аналогичных протогосударств (истории это известно на примере прежде всего Шумера и Египта), но и старались включить в сферу своего влияния территории, на которых издревле и в несколько менее благоприятных условиях обитали иные общности неолитических земледельцев, еще не сумевшие трансформироваться в протогосударства.

Обычно и чаще всего неверно, во всяком случае, не оговариваясь, что при этом имеется в виду, такие общности именовали племенами. Специальные исследования современных антропологов, прежде всего М. Фрида, свидетельствуют о том, что термин «племя» разумно и целесообразно использовать для обозначения структурированного коллектива, прошедшего процесс трибадизации (превращения в племя во главе с вождем), тогда как неструктурированный этнически однородный коллектив племенем именовать не следует. В этом случае есть смысл говорить о некоей этнической общности. Но что такое этническая общность?

Как уже отмечалось, формирование основ культурного комплекса неолитических земледельцев и быстрое увеличение числа последних,

позволило им едва ли не каждое поколение, т.е. раз в 20-30 лет, создавать по соседству с первоначальным поселением новые, дочерние. Результатом этого процесса, протекавшего по законам цепной реакции, стало освоение больших территорий, пригодных для земледелия, родственными по происхождению коллективами. Только исключительно благоприятные природные условия обитания, долины Нила, Тигра и Евфрата и некоторых других рек, могли способствовать при этом возникновению протогосударственных образований и урбанистической цивилизации. Вся остальная часть ближневосточного, а затем и иных обширных регионов, осваивавшихся земледельцами, находилась в менее выгодных условиях и соответственно запаздывала в своем развитии. Поэтому на периферии первичных государственных образований по-прежнему существовало великое множество довольно крупных и постоянно, хотя и не везде, увеличивавшихся в численности земледельческих коллективов.

Между такими коллективами, зоны обитания которых обычно ограничивались естественными рамками той или иной равнины, а также соседних и потому сравнительно легко достигаемых долин либо предгорий, со временем пролегла некая грань, хорошо фиксируемая современными археологами, изучающими историю и образ жизни древних людей по оставленным ими памятникам материальной культуры. Собственно, именно это и лежит в основе вычленения тех самых археологических культур, их этапов и вариантов, великое множество которых (сменявших друг друга или одновременно сосуществовавших) фиксирует современная археология. Иными словами, та или иная археологическая культура, зона распространения которой, включая варианты и модификации, может быть довольно большой, порой простирающейся на сотни километров, и есть то, что антропологи ныне именуют этнической общностью.

Этническая общность – это прежде всего большой коллектив людей, связанных между собой (во всяком случае, в период их возникновения и формирования) определенными отношениями родства. Проблема родственных связей в антропологии тоже отнюдь не проста. Подчас не только непрофессионалы, но и специалисты не очень отчетливо представляют себе разницу между родом и кланом, и легко путают эти термины – тем более, что этимологически в них много общего. Между тем в последнее время соблюдается достаточная строгость в их употреблении.

Условимся, в соответствии с существующей ныне нормой, что род и родовые связи — это все то, что связывает людей между собой кровным родством по одной определенной линии, чаще всего по отцовской. Сыновья и дочери отца-патриарха в семейно-клановой группе принадлежат к роду отца, который чаще всего восходит к глубокой древности и имеет тотемистические корни и соответствующее название. Но дочери выходят замуж и уходят в другие группы, а вместо них приходят женщины из чужих родов. В результате каждая семейно-клановая группа состоит из представителей двух или нескольких родов. Однако поскольку все они — единый спаянный брачно-семейными связями коллектив, то он и превращается в клан (отсюда и его название). Клан, таким образом, это разросшаяся семья. Она также ведет отсчет по той же отцовской линии, но при этом она включает в свой состав женщин, жен и матерей, из других родов. В результате разросшийся коллектив близких родственников (адаптированные чужаки не в счет) становится той самой этнической общностью, о которой идет речь. Стоит в заключение этого краткого, но важного и необходимого для понимания сути родственных связей экскурса заметить, что родство каждого в рамках этнической общности прослеживается обычно по нескольким линиям. Это и принадлежность к роду отца, и родственная близость меньшей значимости с родом матери (ее отца), и принадлежность к кланово-семейной группе, в которой человек родился, и родственные связи с клановой группой, в которой родилась его мать.

Этими связями и соединена, причем весьма крепко, обычная этническая общность. Этнические общности могут быть разными по размерам, причем размеры их и в прошлом и ныне зависят отнюдь не только от природных условий, хотя именно этот фактор всегда был первостепенным и определяющим саму общность и ее культуры. Играли свою роль и многие другие факторы, включая степень удаленности зоны обитания данной общности от транзитных путей и соответственно активных смещений с иными коллективами, уровень активности неизбежно сопутствовавших контактам метисации и взаимовлияния языков и культур, наличие или отсутствие по соседству или сравнительно неподалеку иных, одной или нескольких этнических общностей, тем более развитых и активно реализующих свои военные возможности протогосударственных образований, и т. п. Собственно, от всего этого зависели не только размер данной этнической общности,

но и сама возможность ее более или менее длительного существования. Неудивительно поэтому, что средняя продолжительность существования той или иной этнической общности, как большой, так и малой, была невелика, что обычно фиксируется археологами и хорошо заметно на резко меняющих свой облик за несколько веков картах археологических культур любого региона.

Этническая общность, таким образом, хорошо известна археологам и антропологам и более того, легко фиксируется и изучается специалистами и в наши дни, особенно активно – на протяжении всего XX в. В частности, этот феномен наиболее полно изучен на примере африканских этнических коллективов тив и нуэр. Эти и аналогичные антропологические исследования позволили известному французскому социологу Э. Дюркгейму еще около столетия назад вывести некоторые закономерности, свойственные такого рода общностям. Речь идет в первую очередь о так называемой механической солидарности.

Суть этого феномена сводится к тому, что многократная на протяжении века-двух сегментация многочисленных семейно-клановых групп различных родственных кланов первоначально единого общего происхождения в условиях относительной изоляции, т. е. отсутствия частого и крупномасштабного смешения с другими общностями, ведет к стабилизации некоей большой общности, спаянной единством языка и культуры, включая прежде всего ритуально-обрядовые нормы и мифологическую традицию, но также и пищу, одежду, строения и т. п. В рамках этой этнической общности и функционирует определенного типа солидарность, которую Дюркгейм назвал механической в противовес более развитой органической.

Принцип механической солидарности состоит в том, что она реализуется автоматически, т. е. является чем-то вроде врожденной реакции на любое раздражение извне. Эта этническая солидарность проявляется главным образом в том, что в момент внешней угрозы, особенно со стороны сильного противника, общность мгновенно спланивается, образуя нечто мощное и цельное, а рождающийся при этом консолидирующий ее импульс ведет к появлению из числа общинных старейшин или молодых воинов некоего лидера, который способен дать необходимый отпор врагу. Если после этого проблема снимается (в противном случае общность может вообще перестать существовать), консолидирующий импульс соответственно исчезает, а сплоченный было коллектив вновь распадается на свои привычные

составляющие. Добившийся успеха лидер завоевывает престиж и может быть запечатлен в легендах, а может, что и бывает чаще всего в реальности, просто возвратиться в свой общинный коллектив.

Характерным для общности такого типа является принцип убывающей социально-этнической солидарности: сила и энергия реакции на внешнее раздражение убывает с увеличением дистанции, как родственной, так и территориальной. Иными словами, за члена своей группы семейно-клановый коллектив выступает с наибольшей энергией, в том числе и в случае спора с любым из соседей. За соседа, тем более близкого родственника, группа выступит в случае конфликта с более отдаленными соседними группами, за свою общину – в случае конфликта с соседней, за соседнюю – в случае конфликта с отдаленной и т.д. Феномен убывающей солидарности с точки зрения антропологов и социологов является свидетельством того, что данная этническая общность к структурированию в племя еще не созрела. Убедительным доказательством именно этого служит и ее распад на составляющие после ликвидации общей внешней угрозы и исчезновения импульса, консолидирующего общность в единое целое.

Общности подобного типа в далеком прошлом преобладали едва ли не абсолютно. Но постепенный процесс расширения сфер влияния ранних протогосударственных образований, увеличения их размеров и военной силы, создавал своего рода зоны политического напряжения, территории которых росли за счет неуклонного сокращения неолитической периферии. Практически это означало, что все большее число этнических общностей оказывалось в сфере воздействия государств с развитой структурой и впечатляющими достижениями производства и культуры. Или, иначе, многие аморфные этнические структуры попадали в зону мощного политического напряжения и внешней угрозы. Соответственно в качестве ответа в них появлялся едва ли не постоянно действующий консолидирующий импульс. Это и было начало процесса трибализации этнических обществ, о которых идет речь.

Дело в том, что коль скоро спорадический и экстраординарный консолидирующий импульс становился постоянно действующим, а данная этническая общность перед лицом неотвратимой угрозы ее существованию вынуждена была все время находиться в состоянии внутренней мобилизации, начинался активный процесс ее внутреннего структурирования в племя во главе с племенным вождем или в

несколько племен, каждое со своим вождем. Тем самым вчерашняя аморфная общность быстро трансформировалась, а процесс ее трибализации вел к сложению племенного протогосударства.

Термин «племенное протогосударство» непривычен, ибо на протяжении более полувека в отечественном обществоведении абсолютно господствовали восходящие к марксистскому представлению о происхождении государства истматовские догмы, согласно которым государство может быть только классовым, но уж никак не племенным. Отголоском этого истматовского догматизма является и попытка отделить политические структуры от так называемых потестарных (это те же политические, но неклассовые), одно время получившая было признание у некоторых отечественных исследователей, особенно этнологов. На самом деле то, что у нас пытались и все еще подчас пытаются именовать потестарными структурами, – это обычные политические надобщинные структуры протогосударственного типа, как развивавшиеся в зонах первичной урбанистической цивилизации, так и создававшиеся в ходе процесса трибализации и обретавшие облик племенных протогосударств, с существованием которых очень хорошо знакомы все специалисты, но особенно археологи, исследующие, скажем, скифские или сходные с ними захоронения.

Племенные протогосударства – в отличие от тех, что сложились в наиболее благоприятных условиях центров первичных урбанистических цивилизаций, – необычайно разнообразны по типам и образу существования. Среди них можно найти структуры, свойственные различным коллективам индейцев Америки или аборигенов тропической Африки, существовавшим в сравнительно недавнее время, а также древнекитайские (так называемые варварские – жуны, ди и др.) либо скифосибирские, встречавшиеся в далеком прошлом и ныне знакомые только специалистам по древней истории. К их числу относятся многие из тех, что возникли у обитавших на периферии Рима древнегерманских и догерманских народов Европы.

Особый тип такого рода структур сложился у народов, живших в труднодоступных уголках ойкумены, в частности, у горских народов, где консервативные традиции сохранялись почти без изменений на протяжении тысячелетий. Племенные протогосударственные образования – в отдельных случаях, видимо, даже с сильной автономией составлявших их общин – были, насколько можно судить,

характерны для периферии арийской Индии. Особый тип племенной протогосударственности являют собой кочевники – разумеется, только в тех немалочисленных случаях, когда те или иные кочевые этнические общности консолидировались в государства.

Для всех племенных протогосударственных образований характерны некие структурные особенности, отличающие их от тех, что складывались в центрах мировых цивилизаций. Будучи необычайно специфичными в каждом отдельном случае, они вместе с тем имеют нечто общее. Это общее сводится к сохранению во всех них черт примитивного общинного прошлого, включая длительное время сохраняющиеся и играющие немалую роль родовые и клановые связи, практику привычного существования в рамках больших семейно-клановых коллективов, принцип выборности вождей, много большую роль меритократии, основанной на личных заслугах каждого, кто имеет престиж и авторитет, – в противовес той роли знатности рода и близкого кланового родства с правителем, что становится наиболее значимой для верхов в государствах, возникших и развивавшихся в центрах мировой цивилизации. Впрочем, стоит обратить на особенности развития государственности в центрах урбанистической цивилизации специальное внимание.

9. Власть и собственность: феномен власти-собственности

Проблема собственности была основательно запутана и до предела усложнена в марксистской политэкономии, на постулатах которой долгие десятилетия держалось все отечественное обществоведение. На самом деле с собственностью все обстоит намного проще, чем это у нас до недавнего времени было принято считать. Частная собственность привычного европейского типа появилась много позже, чем то постулирует с подачи классиков марксизма истмат. Ее не было и тогда, когда возникли первые протогосударства, причем как в регионах с развитым урбанизмом, так и тем более во всех остальных. О том, как, когда и при каких обстоятельствах, где именно и в какой форме она возникла, речь пойдет ниже. Пока же обратим внимание на то, что в условиях, когда она еще не появилась или уже была известна в принципе, но решительно пресекалась как таковая административными усилиями (с этим последним вариантом наша страна хорошо знакома),

в качестве альтернативы ее выступали обычно иные формы собственности. Специалисты еще в прошлом веке активно оперировали такими понятиями, как коллективная, общинная, племенная и даже – в варианте Маркса – верховная собственность. Все эти понятия условны, хотя и дают представление о том, что имеется в виду.

Условность их в том, что обозначаемое ими явление – еще не собственность вообще. Собственности пока просто нет. Есть заменяющее ее представление о владении, причем всегда не индивидуальном, но коллективном. Иного в те далекие времена и на том уровне бытия и существовать не могло. Понятие о владении возникло как фиксация обычного права на определенную зону или долю ресурсов (леса, реки, пашня, угодья и т. п.), которая некогда была как бы закреплена за той или иной бродящей в погоне за зверем локальной группой охотников и собирателей, а позже оказывалась в пользовании общины или передавалась ее старейшиной в распоряжение данной семейно-клановой группы. В основе отношений к ресурсам, о которых идет речь (сюда входит, естественно, и вся добываемая пища) и от обладания которыми напрямую зависело само существование коллектива, всегда была именно власть над ними («владение» – в конечном счете от «власти»): «мы владеем этим, это наше».

Иными словами, субъектом власти над ресурсами мог быть и был только коллектив, что не исключало, естественно, личной собственности каждого на его копье, нож, лук со стрелами, корзину, котел, одежду, позже даже хижину с кухней. А из всего сказанного следует, что и экономическое содержание, и юридическая форма такого рода псевдособственности – это власть. Выше упоминалось, что привычное понятие «власть», – хотя оно и по-разному определяется специалистами, – выглядит иначе и предполагает прежде всего право навязать другим свою волю. Следует, однако, оговориться, что такая трактовка этого понятия справедлива лишь в тех случаях, когда имеются в виду социальные и тем более политические аспекты власти, тогда как экономический и юридический аспекты того же понятия всегда, вплоть до сегодняшнего дня, воспринимались (коль скоро речь идет о ресурсах, об имуществе) именно как владение.

Итак, власть – это и воля, и владение. Все аспекты этого полисемантического понятия сливаются воедино в тот момент, когда субъект власти поднимается над коллективом и начинает выступать от

его имени. Глава семейно-клановой группы и старейшина общины с их правом редистрибуции – это субъекты прежде всего власти. Однако распоряжаются они имуществом коллектива, его ресурсами. С еще большей очевидностью это относится к вождю племени, к правителю протогосударства. Именно власть как высшая форма суверена и как право его на редистрибуцию ресурсов и имущества коллектива (теперь уже большого коллектива, государства), рождает представление о том, что все принадлежит правителю, верховному хозяину. А раз все принадлежит именно ему, во всяком случае прежде всего и главным образом ему, символизирующему собой государство, то именно он и оказывается высшим субъектом владения, в новых условиях преобразующегося в своего рода верховную собственность правителя-суверена.

Верховная власть правителя рождает представление о его верховной собственности, собственность рождается как функция воли и владения, как функция власти. Власть и верховная собственность ее высшего субъекта нерасчленимы. Перед нами – феномен власти-собственности.

Власть-собственность – это альтернатива развитой, т. е. европейской частной собственности, будь то античная или буржуазная, причем в нашем неевропейском случае это не столько собственность, сколько именно власть, так как функции высшего и на первых порах единственного в коллективе собственника опосредованы причастностью к власти, т. е. не к личности, но к должности правителя. По наследству здесь передается именно должность с ее правами и привилегиями, но не частное право на владение ресурсами или имуществом вне зависимости от должности. Если кому-то, кроме наследника, и дается во владение какое-то имущество, то дается оно лишь как дар. Размер этого дара обычно несоизмерим с тем, что получает наследник вместе с высшей должностью правителя, не говоря уже о том, что дар тоже обычно сочетается с какой-то весьма высокой государственной должностью (министра, советника), дающей право на соучастие в реализации высшей власти правителя.

С течением времени власть-собственность становится прерогативой более широкого круга лиц, принимающих участие в управлении государством. Но аппарат администрации, теперь уже олицетворяющий собой власть-собственность бдва ли не в большей степени, чем прежде один правитель, символ государства, в любом

случае не только полностью подчинен правителю, но и является как бы его продолжением, его руками и ногами, столь необходимыми каждому правителю, коль скоро ему приходится управлять разросшимся и намного усложнившимся в административном отношении государством. Существует этот разросшийся аппарат со всем многочисленным обслуживающим его персоналом за счет все того же избыточного продукта и труда теперь уже очень большого коллектива, а централизованная редистрибуция упомянутых продукта и труда становится одной из важнейших функций аппарата администрации. Возникает священное право верхов на ренту-налог с населения.

Политэкономические исследования А. Смита еще в XVIII в. выявили – разумеется, на европейском материале – принципиальную разницу между налогом, который взимается государством с населения на нужды административного управления, и рентой, которую взимает частный собственник за использование принадлежащих ему ресурсов, прежде всего земли. В XIX в. Маркс был одним из тех, кто обратил внимание на то обстоятельство, что на Востоке, т. е. вне Европы или стран, созданных по европейской модели, как США, такой разницы не было, что в условиях «азиатского» способа производства рента и налог совпадают. Совпадают потому, что субъект собственности и субъект власти сливаются в одном лице, в лице правителя как суверена и верховного собственника с обслуживающим его аппаратом администрации. Рента-налог – это и есть политэкономическое отражение феномена власти-собственности.

Появление института власти-собственности с централизованной редистрибуцией избыточного продукта и труда в форме ренты-налога было важным и в известной мере завершающим этапом на длительном пути институционализации надобщинных политических структур различного типа (речь пока не идет о типе античном). Оно многое изменило в привычных отношениях, в том числе на уровне деревенской общины. Прежняя, ни от кого не зависевшая община окончательно ушла в прошлое. На смену ей пришла соседская община, вынужденная делиться своими некогда исконными правами на землю и прочие угодья и ресурсы со всеми теми, кто в силу их причастности к власти любого уровня мог претендовать на долю ее имущества, продукта и труда. Тем самым прочно и надолго закреплялся хорошо знакомый специалистам феномен перекрывающих друг друга владельческих прав: одна и та же земля (а точнее, право на *ее*, продукты) принадлежит

и обрабатывающему ее крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий пашню и угодья старейшина, и знатному лицу или чиновнику, исполняющему функции регионального администратора, и верховному собственнику в лице центрального аппарата власти.

Здесь важно заметить, что такого рода множественность прав на землю и ее продукт, которая выглядит столь нелепой в условиях развитых правовых государств европейского типа, начиная с античности, где всегда было известно, что кому и на каких правах принадлежит, никого никогда не смущала в обществах неевропейского типа. Это и понятно: коль скоро земля не является частной собственностью, а частной собственности как института еще не существует, то в принципе совершенно естественно, что каждый получает свою долю ее продукта в строгом соответствии с долей владения ею и вообще власти, которой каждый – снизу доверху – реально располагает. В то же время важно обратить внимание на то, что в отмеченной множественности прав на землю и ее продукт уже таились зародыши трансформации описываемой структуры. Трансформация, которая сводилась к приватизации, т. е. к рождению той самой частной собственности, которой пока еще нигде в мире (включая еще не появившуюся античность) не было. Эта трансформация, как и некоторые другие сопутствовавшие ей важные перемены, знаменовали собой очередной этап развития политической структуры, что было связано с постепенным перерастанием усложнившегося составного протогосударства, развивавшегося в регионах урбанистической цивилизации, в государственное образование более сложного типа, в раннее государство.

10. Раннее государство

В процессе совершенствования урбанистической цивилизации некоторые из наиболее развитых и удачливых протогосударственных образований в силу своей активной внутренней и внешней политики достаточно быстро, как о том уже шла речь, из простых трансформировались в более сложные составные, с региональными подразделениями (в прошлом нередко самостоятельными простыми протогосударствами) на окраинах. Далее шел процесс их постепенной трансформации в еще более крупные и развитые политические

структуры, которые в современной политологии принято именовать ранними государствами. Стоит заметить, что эта трансформация протекала плавно и была связана не столько с кардинальными структурными изменениями, хотя они и были, сколько именно с постепенным ростом и развитием социально-политического организма в целом.

Прежде всего, постепенно ослабевали столь привычные для общинной и протогосударственной структуры сильные родовые и семейно-клановые связи. Они не исчезали, напротив, кое-где даже, особенно в верхах, укреплялись и строго соблюдались, становясь своего рода признаком и свойством правящих слоев, родовой знати. Однако на более низком уровне эти связи заметно утрачивали свое исключительное значение, сохраняясь лишь в сравнительно узких пределах семьи и близких родственников. Для этого были свои объективные причины. Если для верхов именно степень родства играла важную роль, ибо предполагала определенную близость к клану правителя и к другим влиятельным знатым кланам, а тем самым и к аппарату власти, что давало основания претендовать на соответствующие ранг и титул, должность и привилегии, то на уровне крестьянских низов, даже если кое-кто из них мог проследить генеалогическое родство по боковой линии с каким-либо знатым кланом, эти связи уже не играли практически никакой роли. Не приходится говорить и о том, что родовые имена и родовые связи далекого прошлого на этом уровне вовсе теряли свой смысл и потому вообще исчезали. И древность рода (тотемического), и знатность клана (аристократического) сохраняли свое значение и более того, тщательно блюлись только и именно на уровне правящих верхов.

Ситуация усложнялась за счет процессов естественного смешения населения, происходивших в пределах бурно развивающегося, расширяющего свои границы и аннексирующего чужие государственные либо племенные структуры раннего государства. Если захваченные в войнах пленники обычно становились бесправными рабами и оказывались в ведении аппарата власти (храмовые рабы, рабы-слуги, рабыни в гаремах), то присоединенные территории с их этнически близким или даже вовсе чуждым данной общности населением более или менее органично, пусть даже не сразу, вливались в расширявшийся коллектив. За счет этого территориальные

соседские становились более актуальным типом связей, чем привычные общинно-клановые.

Что касается правящих верхов трансформировавшейся политической структуры, то и там происходили определенные изменения. Борьба родственных кланов за власть и влияние резко обостряла взаимные и обычно вполне обоснованные подозрения правителей и влиятельных сановников, что влекло за собой естественные попытки опереться в политической борьбе на поддержку преданных аутсайдеров из числа чужаков, в том числе вчерашних рабов, проявивших способности и оказавших хозяину немалые услуги. Эта ставка на аутсайдеров приводила в конечном счете к тому, что наиболее удачливые из их числа выдвигались на высший уровень власти и основывали собственные влиятельные знатные кланы. Клановая структура на уровне правящих верхов благодаря этому сохранялась в прежнем виде, но личный состав кланов постепенно и в большой степени менялся, не говоря уже о том, что он регулярно пополнялся за счет правящих кланов аннексированных территорий.

Результатом описываемого процесса, характерного именно для периода перерастания протогосударств в ранние государства, была заметная социальная и политическая поляризация на низы и верхи. При этом низы росли в числе и объективно способствовали увеличению объема избыточного продукта и труда, за счет которого могли существовать правящие верхи. Верхи же в новых условиях усложняющегося и увеличивающегося в размерах административно-политического образования все более очевидно и вынужденно структурировались в сложную иерархическую пирамиду власти с ее разными уровнями – обычно не менее, чем тремя (высший столичный, средние региональные и низшие, стоящие рядом с низами и непосредственно ими руководящие). При этом на высшем уровне администрации была уже отчетливо заметна ее специализация. Появлялись многочисленные разряды жрецов и военачальников, чиновники различных категорий, особые дворцовые управители, руководители ремесленных и хозяйственных служб и подразделений и т. п. На региональном уровне, как правило, администрация чаще всего представляла перед тружениками в виде небольшого количества чиновников, ведавших сбором налогов, отправлением трудовых повинностей и исполнявших свои обязанности в тесном контакте с

руководством общины (низший уровень), которое тоже уже порой воспринимало себя в качестве получиновников.

Для раннего государства характерно повышенное внимание к строительству монументальных сооружений, как религиозно-сакрального, так и любого иного характера, будь то мавзолеи, каналы и дамбы, хорошие дороги и т. п. Подобное строительство всегда стоило дорого, даже имея в виду бесплатный труд призываемых на отработки крестьян. Ведь крестьян нужно было содержать и кормить. Примитивные представления о том, что всегда и везде строительные работы были каторжным трудом для эксплуатируемых, наивны и в общем несостоятельны. Такое, разумеется, случалось, как это было, например, во времена императора Цинь Ши-хуана в Китае в конце III в. до н. э. Но это было крайностью, которая, к слову, являлась одной из причин, погубивших империю Цинь. Нормой было нечто иное, а общественные отработки обычно рассматривались как важное государственное и общественное, т.е. общее дело, имеющее к тому же часто и ритуальный смысл.

О ритуальной стороне дела стоит сказать особо, так как именно период трансформации от протогосударственной структуры к раннегосударственной был временем (философ К.Ясперс назвал его «осевым»), когда на смену ранним образным и конкретным мифологическим представлениям приходили более развитые абстрактные формы дискурсивного мышления, рождались зрелые религиозно-философские представления и закладывались основы известных человечеству великих религий. Система богов и служивших им жрецов, сакральных ритуалов и торжественных обрядов, богатство церковной утвари, да и сами величественные храмы, на возведение которых никогда не жалели ни средств, ни усилий (и правильно делали, ибо религиозная духовная основа создавала развитую формализованную этическую норму, без которой возрастающее этнически гетерогенное население было бы разболтанной толпой противостоящих друг другу группировок), – все это имело не только дисциплинирующий, регулирующий и контролирующий смысл, но также и играло важную интегрирующую роль, не говоря уже об экзистенциальном смысле религии, о компенсирующей ее функции. Религия всегда была и во многом остается и ныне духовной основой существования людей и фундаментом их душевного комфорта.

Можно сказать, что процесс самоорганизации общества, породивший государственную форму его существования, на определенном этапе развития этого государства усиливает и укрепляет свои базовые позиции за счет религии. Религия в этом смысле – речь не о ранних религиозных представлениях, существовавших с незапамятных времен у всех людей, начиная едва ли не с пресapiенсов, но именно о развитых религиозных системах с их жестко структурированной и сакрально санкционированной этической нормой – тоже была формой самоорганизации все того же нуждающегося в этом общества. Именно развитая религия и санкционированная ею строгая моральная норма большого этнически гетерогенного коллектива должна была прийти на смену раннерелигиозным представлениям рода и составляющих его семейно-клановых групп. И дело здесь отнюдь не только в примитивности тотемизма, анимизма, фетишизма, магии и иных форм религиозной активности в прошлом, тем более что все они, пусть в несколько преобразованном виде, продолжали бытовать и теперь. Дело совершенно в ином: развитой гетерогенной общности, уже не столь сильно, как прежде, спаянной семейно-клановыми и общинными связями, нужны были скрепляющие ее обручи.

Государство было одним из них. Но раннее государство еще не держалось на силе, как это стало позже, в эпоху развитых государств и тем более империй. Оно по-прежнему держалось в основном на традициях, включая институты власти-собственности и централизованной редистрибуции. И именно для укрепления этих традиций, которые по мере разрастания структуры и увеличения степени ее гетерогенности остро нуждались в новых крепких, желательны даже намертво сковывающих социум обручах, нужна была развитая религиозная система. И она, следуя классическому тезису А. Тойнби о вызове эпохи и адекватном ответе на такой вызов, везде или почти везде (речь о регионах, где возникли ранние государства) появилась на свет.

От того, в каком виде она появилась и насколько эффективно справлялась с теми заданиями, которые должна была выполнять, зависела дальнейшая судьба обществ и государств, о которых теперь ведется речь. Важно заметить, что вниманием к религиозным проблемам, равно как и усложнением административной системы с параллельным изменением статуса и сферы распространения системы

клановых связей или увеличением объемов монументального и всякого иного строительства, трансформация структуры в период раннего государства не ограничилась. Едва ли не наиважнейшим процессом, который так или иначе, – где раньше, а где позже – проявил себя именно в период существования раннего государства, был процесс приватизации. Приватизации, которая имела в качестве главного импульса, способствовавшего ее появлению на свет, резкое увеличение престижного потребления правящих верхов.

11. Престижное потребление, приватизация и рынок

Престижное потребление исторически восходит к престижу и привилегиям, возникшим еще в глубокой древности. За престижем и привилегиями, сосредоточивавшимися на верхах любого коллектива, а затем и государственной структуры, неизбежно следовала тенденция к улучшению стандарта потребления. Уже у общинного старейшины дом был лучше, чем у остальных, а он сам и его жены обычно выделялись своими нарядами и украшениями среди прочих. Вождь племени или правитель протогосударства в зоне первичной урбанистической цивилизации не только стоял много выше своих подданных в социально-политическом плане, но также и всегда отличался от остальных оружием, одеждой, украшениями, опять-таки жильем (пусть это был простой вигвам), красиво разряженными женами, качеством принимаемой – подчас и табуированной для простых смертных – пищи, не говоря уже о прочих атрибутах типа разукрашенного сиденья возле вигвама со стоящими рядом слугами с опахалами и телохранителями с оружием, а тем более трона в зале храма или дворца со многими знаками власти и т. п.

Позже, по мере институционализации протогосударственной структуры и тем более трансформации ее в раннегосударственную, статус, а за ним и стандарт привычного существования правителя стал еще более выделяться своей роскошью на фоне социальных низов. Однако параллельно с этим начал изменяться и стандарт существования его становившегося со временем все многочисленнее и разнообразнее окружения, всего аппарата администрации. Строго в соответствии со степенью близости к правителю и его клану, с имеющимися у каждого должностью или титулом, с реальными рычагами власти и ступенькой на иерархической лестнице

администрации все причастные к власти стали по мере сил подражать правителю, используя для этого все свои немалые возможности, в первую очередь, свою немалую долю избыточного продукта и труда населения. Этому же в какой-то мере вынужден был способствовать и сам правитель, который был обязан (вспомним великую традицию рецип- рокного дара!) время от времени в качестве награды за службу делать щедрые подарки своим советникам и сановникам, помощникам и военачальникам, влиятельным жрецам, а также приближенным слугам, служителям гарема и т. д. и т. п.

В результате всего этого аппарат власти и даже некоторые из приближенных к правителю о высокопоставленных слуг или **евнухов** обретали немалое имущество, строили свои богатые дома, а то и дворцы, обзаводились красивыми одеждами и разнообразными вещами, заботились о своих гробницах и украшениях. **Все это** необходимо было как-то доставать. А поскольку **доля** избыточного продукта и труда, приходившаяся на каждого **из тех**, кто хотел бы украсить свой быт и выглядеть соответственно рангу, не всегда была для этого достаточной и подчас **состояла** более из простого продукта крестьянских хозяйств, **нежели** из изысканных изделий, то возникала объективная **потребность** в обмене того, что имеется, на то, что хочется иметь. **Собственно**, именно с этого и берет свое начало приватизация **как генеральный** процесс в созревшем для этого обществе и государстве.

Вообще-то обмен как институт существовал и был хорошо **всем известен** с глубокой древности. Но в те отдаленные времена **обмен** чаще всего был либо мелким и малозначительным (**например**, кто-то менял свой нож на рубаху), либо, что играло **более** существенную роль, коллективным и общезначимым (**община** меняла излишки зерна или скота на рыбу или соль). **Корни** такого обмена уходили еще дальше, во времена преобладания локальных групп охотников и собирателей. Естественно, **обмен** существовал и развивался и после появления протогосу- **дарственных** образований различного характера, причем **он** **опять-таки** был и на индивидуальном уровне (в мелких **масштабах**, без участия посредников), и на государственном, где осуществлялся усилиями специальных профессионалов-**торговцев**, действовавших, однако, не от своего имени, а в качестве чиновников (в Шумере их именовали тамкарами). Это **важно** подчеркнуть потому, что, хотя и торговля как таковая **издревле** функционировала, имела даже своих

профессионалов, **оперировавших** порой не только товарами, но и их условным эквивалентом, прототипом денег (это бывали и раковины, **особенно** каури, и кусочки металла и некоторые иные редкости и **ценности**, даже скот), она никогда не была частной. Иными **словами**, еще не существовало торговцев-посредников, которые действовали бы на свой страх и риск. Приватизация начиналась, **помимо** всего прочего, с того, что менял свой привычный **характер** древний обмен, а на смену ему приходили частная **торговля** и рынок, обращение товаров и денег.

Первотолчком были, как следует полагать, агрессивные войны, грабеж и дань с покоренных. В процветавшем за этот счет древнем государстве притекавшие извне продукты, вещи и раритеты оседали в руках военачальников и чиновников. Правитель щедрой рукой жаловал добычу своим приближенным. Воины, возвращаясь с похода, с легкостью избавлялись от трофеев, уступая их тому, кто больше даст. Возникал некий рынок товаров, на который одни приходили, чтобы продать, а другие – чтобы приобрести. Этот рынок, раз возникнув, становился своеобразным полем притяжения для всех. Чиновники начинали использовать свое служебное положение для приобретения частных выгод (те же тамкары, например, могли параллельно совершать обмен для себя лично), служители казенных амбаров и храмовых складов научились обрабатывать отчетные документы таким образом, чтобы часть продуктов и изделий можно было реализовать на стороне. Ремесленники в городах (а это всегда были наиболее квалифицированные специалисты) наряду с выполнением казенных заказов начинали делать изделия для продажи. Крестьяне, до того практически жившие в условиях натурального хозяйства, получали возможность в случае крайней нужды (свадьба, похороны и т. п.) отвезти какую-то часть земледельческих продуктов на рынок с тем, чтобы приобрести необходимые товары.

В результате этого глобального процесса возникал рынок, с товарами, нужды которого со временем стал эффективно обслуживать общий эквивалент — деньги. Разумеется, этот рынок, по меньшей мере вначале, в момент своего возникновения, служил прежде всего для удовлетворения нужд престижного потребления аппарата власти. Именно представители правящих верхов пользовались его услугами наиболее активно, приобретая те товары и умелые руки тех профессионалов, которые были им нужны в данное время (построить дом, выделывать изысканную вещь, соорудить богатый выезд, изготовить

нарядные одежды и т. п.). Именно их заказы стимулировали развитие рынка в первую очередь и главным образом. И именно они, верхи, тем самым давали мощный толчок дальнейшему развитию процесса приватизации.

Практически это означало, что в обществе появился новый и быстро растущий сектор хозяйства. Наряду с прежним, общинно-государственным, в рамках которого население производило продукты и вещи, строило дома и храмы, дамбы и каналы, дороги и гробницы, а аппарат власти строго следил за всем этим, направлял, контролировал и перераспределял, пришел сектор частный, в котором все выглядело иначе. Люди работали за свой интерес и сами, либо через появившихся на рынке профессионалов-торговцев, бывших уже частными посредниками, а не чиновниками (впрочем, иногда обе ипостаси, видимо, могли совпадать в одном лице, по меньшей мере на первых порах), меняли то, что у них было в избытке, на то, в чем они испытывали недостаток. Таким образом, все желающие – в строгой зависимости от степени их достатка, зажиточности, богатства – могли иметь все то, что предлагал им рынок. За этот счет еще большее развитие получало престижное потребление верхов, ибо именно в их руках прежде всего и в наибольшем количестве скапливались продукты и предметы, которые можно было, реализовав на рынке, обратить в желанную роскошь каждодневного образа жизни. Стоит заметить, что свою рыночную ценность в новых условиях обрели и люди, пока еще только захваченные в плен бесправные чужеземцы, становившиеся рабами, которых можно было продать и купить (до того рабы обычно считались коллективным достоянием и от имени коллектива использовались в храмовых и дворцовых хозяйствах, либо в услужении власть имущих).

Позже всего и с наибольшим трудом предметом купли-продажи становится земля. Это связано не только с тем, что земля оставалась важнейшим средством производства, так что лишиться ее значило потерять возможность регулярно воспроизводить условия повседневного существования семейно-клановой группы, но также и с тем, что она традиционно считалась прежде всего и главным образом коллективным владением общины. Группа, обрабатывавшая свой участок и пользовавшаяся необходимыми угодьями, собственником всего этого не была. Земля была условием ее производства, но не результатом, не продуктом или изделием, которые можно было продать

на рынке. Отдельные участки общинной земли подчас все-таки отчуждались, об этом имеются данные в источниках. Но делалось это крайне редко и лишь при исключительных обстоятельствах. Существовали сложные процедуры типа «усыновления», позволявшие обойти жесткую норму, запрещавшую торговлю землей. Даже сам правитель, если он хотел приобрести кусок земли в той или иной общине, в случае удачи, в частности, в ближневосточной древности, фиксировал свой успех в специальной записи.

Иное дело – сдача лишней земли в той же общине в аренду малоимущим. В тех общинах и тогда, когда регулярные переделы семейных участков прекращались либо осуществлялись редко, такое встречалось, а со временем становилось даже общепринятой нормой. Постепенно, особенно в случае прекращения земельных перераспределений, начинала практиковаться и купля-продажа земли внутри общины, на что обычно община смотрела сквозь пальцы, поскольку земля оставалась внутри нее. Однако важно подчеркнуть, что этим обычно не злоупотребляли, не говоря уже о том, что внутриобщинная купля-продажа тоже обставлялась многими формальностями и ограничениями, дабы не создавать лишнего соблазна. Общинная земля в традиционном обществе, как правило, никогда не становилась полной и безраздельной собственностью ее обладателей. Она всегда в той или иной мере оставалась общинной, т. е. принадлежавшей коллективу.

В этом, к слову, было кровно заинтересовано и государство, аппарат власти. Причины такой заинтересованности легко понять: поступления из общин были основным источником избыточного продукта, за счет которого существовали государство и прежде всего управлявшие им верхи. Если допустить куплю-продажу общинной земли, то скупившие ее богатые частные собственники станут использовать ее продукты прежде всего для собственного обогащения, а лишившиеся земли общинники так или иначе повиснут тяжелым грузом на все той же администрации, которая обязана будет изыскивать средства для их содержания. Иными словами, частные собственники получают то, что по сложившейся норме принадлежит казне, т. е. аппарату власти, государству.

Эта нехитрая раскладка была хорошо известна уже давным-давно существовавшим и отлично понимавшим механизм общинно-государственного хозяйства правящим верхам. И именно

поэтому государство и частный собственник во всех ранних и тем более хоть сколько-нибудь развитых государствах Востока –а речь пока только и именно о них, другие в ту эпоху еще не существовали, – после процесса приватизации становятся антагонистами. Против частных собственников и тем более наглых стяжателей были направлены и официальное законодательство, начиная с законов старовавилонского Хаммурапи, и обычная практика административного давления, что особенно хорошо видно в чжоуском Китае, в частности после реформ легиста Шан Яна в царстве Цинь.

Но, забегаая несколько вперед, стоит в заключение отметить, что частная собственность даже в ее оскопленной восточной форме, при отсутствии прав, гарантий и привилегий, при постоянном преследовании со стороны власть имущих, была важным и чрезвычайно нужным для развивавшегося общества фактором стабильности, укрепления, выживания. Появление ее давало простор для развития экономики и общественных отношений.

(Продолжение следует)